

1858—1906.

ПРОФЕССОРЪ
МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ
КОНОВАЛОВЪ.

Чествованіе памяти въ первую годовщину
его смерти.

Кіевъ.

Типографія С. В. Кульженко, Пушгинская улица. № 4.
1908.

Печатано по постановленію Совѣта Кіевскаго Политехническаго Института
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

В. В. Кривобобов

Воспитание в высшей школе. Матрица № 12
Дружеский издательский дом

ПРОТОКОЛЬ

Публичнаго Засѣданія Совѣта Кіевскаго Политехническаго
Института

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Воскресенье 9-го декабря 1907 года.

*Засѣданіе посвящено чествованію памяти
профессора Михаила Ивановича Коновалова
въ первую годовщину его кончины.*

Присутствовали гг. члены Совѣта, представители ученыхъ и образовательныхъ обществъ и учреждений, гг. преподаватели и лаборанты Института, студенты и посторонняя публика, наполнившіе Физическую Аудиторию до предѣловъ ея вмѣстимости.

Предсѣдательствуетъ г. и. д. Директора Института проф. А. А. Радцигъ, при секретарѣ проф. В. П. Ижевскомъ.

Г. Предсѣдатель объявляетъ засѣданіе открытымъ и послѣдовательно предоставляетъ слово гг. референтамъ, которые дѣлаютъ слѣдующія сообщенія *):

1. Проф. В. Ѡ. Тимоеевъ. О дѣятельности проф. М. И. Коновалова въ Кіевскомъ Политехническомъ Институтѣ.

*). См. Приложенія къ Протоколу.

2. Проф. С. Н. Реформатскій. Объ ученой дѣятельности проф. М. И. Коновалова.

3. Проф. В. П. Ижевскій. Біографія М. И. Коновалова.

4. Проф. С. Г. Навашинъ. О дѣятельности М. И. Коновалова на женскихъ курсахъ при гимназіи А. В. Жекулиной.

5. Проф. Н. И. Андрусовъ. Памяти покойнаго М. И. Коновалова отъ Кіевскаго Общества Естествоиспытателей.

6. С. Н. Щербина. О дѣятельности М. И. Коновалова, какъ предсѣдателя Кіевскаго Общества содѣйствія начальному образованію.

7. С. Л. Войничъ-Сяноженцкій. Профессоръ Михаилъ Ивановичъ Коноваловъ, какъ руководитель студентовъ.

8. И. А. Новиковъ. О дѣятельности М. И. Коновалова въ качествѣ директора и профессора Сельско-Хозяйственныхъ Курсовъ Кіевскаго Общества сельского хозяйства.

9. Г. Секретарь Совѣта читаетъ слѣдующія телеграммы **):

1) Отъ Совѣта Императорскаго Московскаго Университета.

2) Отъ Русскаго Физико-Химическаго Общества.

3) Отъ Совѣта Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института.

4) Отъ Учебнаго Комитета Императорскаго Московскаго Техническаго Училища.

5) Отъ Отдѣленія Химіи Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Географіи.

6) Отъ Совѣта Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

7) Отъ Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній.

8) Отъ Общаго Собранія Общества воспитательницъ и учительницъ.

9) Отъ бывшихъ слушательницъ Коллективныхъ уроковъ.

**) См. Приложенія № 2.

- 10) Отъ редакціи Библіотеки для самообразованія.
- 11) Отъ Пречистенскихъ Курсовъ для рабочихъ, въ Москвѣ.
- 12) Отъ проф. А. Э. Фортунатова, Н. Я. Демьянова и Д. Н. Прянишникова.
- 13) Отъ проф. И. А. Каблукова и А. П. Сабанѣва.
- 14) Отъ А. Н. Реформатскаго.
- 15) Отъ проф. Н. Я. Демьянова и И. А. Каблукова.

Въ заключеніе засѣданія, по предложенію г. Предсѣдателя, собраніе почтило память покойнаго проф. М. И. Коновалова вставаніемъ.

Предсѣдатель проф. *А. Радцигъ.*

Секретарь проф. *В. Ижевскій.*

О дѣятельности проф. М. И. Коновалова въ Кіевскомъ Политехническомъ Институтѣ.

Въ концѣ только что истекшаго столѣтія потребность нашего отечества въ притокѣ новыхъ рабочихъ силъ, обладающихъ спеціальными знаніями, была настолько интенсивна, что правительство отозвалось на нее почти одновременнымъ открытіемъ трехъ высшихъ школъ, трехъ политехническихъ Институтовъ Варшавскаго, Кіевскаго и С.-Петербуржскаго.

Потребовалась громадная, напряженная созидательная работа, протекавшая съ большимъ треніемъ вслѣдствіе общей слабой культурности страны; потребовались выдающіяся по своей энергіи и знаніямъ личности, и въ большинствѣ случаевъ ихъ пришлось отнять у старыхъ учебныхъ заведеній и поручить имъ тяжелую и отвѣтственную работу созиданія новыхъ улучшенныхъ формъ высшаго технического образованія.

Такъ, для организациі химическаго образованія старыя школы отдали молодымъ трехъ изъ своихъ лучшихъ представителей, профессоровъ Вагнера, Коновалова и Меншуткина, и чѣмъ то мрачнымъ и роковымъ вѣтъ отъ сознанія, что всѣ эти три лица, составлявшія гордость русской науки, затративъ всѣ свои силы, отдаваясь всей душой новому дѣлу, на короткомъ промежуткѣ времени всѣ погибли. Работали, надрывались, создали и отошли въ вѣчность.

Созиданіе нашего Института шло лихорадочнымъ темпомъ. Читали лекціи, вели практическія занятія, наскоро приспособившись въ чужомъ зданіи, и одновременно и спѣшно воздвиг-

гали свои будущія помѣщенія. Въ 1898-мъ году Институтъ открылся, а черезъ годъ въ него пришелъ и покойный Михаилъ Ивановичъ, пришелъ, чтобы неустанно, почти безъ отдыха работать, на самыхъ разнообразныхъ постахъ, чтобы увлекать другихъ въ вихрь работы, чтобы умереть на работѣ.

Михаилъ Ивановичъ былъ переведенъ въ Институтъ 1-го юня 1899 г. изъ Московскаго Сельскохозяиственнаго Института. Онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ химіи и одновременно деканомъ химическаго отдѣленія. Такъ какъ Институтъ только что началъ организовываться, то Михаилу Ивановичу пришлось съ самаго же начала взвалить на свои плечи громадный и весьма разнообразный трудъ. Работая усиленно, какъ членъ строительной комиссіи надъ созиданіемъ обширныхъ зданій Института, онъ одновременно трудился надъ организаціей химическаго отдѣленія, какъ его деканъ, а надъ постановкой своего предмета и примыкающихъ къ нему практическихъ занятій, какъ профессоръ. Всѣ эти дѣла требовали массу времени, большого напряженія силъ и на первый взглядъ не давали ему минуты покойнаго времени для отдыха. Но онъ несомнѣнно отдыхалъ и доказательствомъ этого отдыха является непрерывающійся рядъ научныхъ работъ, которыя онъ творилъ и публиковалъ даже въ моменты самой интенсивной дѣятельности по разнымъ отраслямъ Институтской жизни. Обдумывая тѣ или другія детали устройства обширныхъ лабораторій, проводку трубъ, электричества, устройства вентиляціи и т. д., онъ успѣвалъ забѣгать въ лабораторію и просмотрѣть за ходомъ тѣхъ или другихъ химическихъ явленій, которыя часто почти что подчинялись его настойчивости и давали такіе результаты, которые раньше не удавались другимъ. Бывало зайдешь въ поздній часъ къ нему въ лабораторію, почти единственную, которая свѣтитъ своими огнями среди другихъ въ темнотѣ мирно отдыхающихъ лабораторій, и видишь, какъ этотъ человекъ, который, казалось бы, долженъ падать отъ усталости, стоитъ около жаркой сожигательной печи, или сидитъ около кипящей колбы или капилляра съ кристаллами полученнаго имъ вещества и ждетъ съ мирнымъ, полнымъ высокаго духовнаго спокойствія лицомъ отвѣтовъ отъ созданныхъ имъ ве-

ществъ на заданные имъ этимъ новымъ пришельцамъ вопросы. И уходишь отъ него съ какимъ то особеннымъ, почти религіознымъ чувствомъ умиленія и восхищенія передъ тѣмъ, чѣмъ можетъ быть существо—называемое человѣкомъ.

Когда срокъ деканства М. И. окончился, и Институту было разрѣшено выбирать своихъ декановъ, то Совѣтъ вновь избралъ его на этотъ постъ. За эти 3 года своего деканства М. И. организовалъ и велъ химическое отдѣленіе, и несомнѣнно въ значительной степени надо приписать именно ему то обстоятельство, что это отдѣленіе завершило такъ быстро свою организацію и затѣмъ уже могло нормально эволюционировать далѣе.

Но вотъ въ серединѣ 1902 года бывший директоръ Института и нынѣ его почетный членъ В. Л. Кирпичевъ оставилъ службу въ Институтѣ, вслѣдствіе перехода въ Петербургъ, и на его мѣсто былъ назначенъ Михаилъ Ивановичъ. Всѣ, кто сколько-нибудь знакомъ съ жизнью и исторіей русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, могутъ понять, какая неимоვნю тяжелая, волнующая и отвѣтственная работа досталась такимъ образомъ на долю покойнаго. Ему пришлось стоять у регулирующаго аппарата той волнующейся и напряженной среды, которую представляли высшія учебныя заведенія, ярко и, можетъ быть болѣзненно отражавшія въ себѣ надвигавшіяся въ нѣдрахъ русской жизни катастрофическія напряженія. Требовались выдающіяся нравственныя качества, уравновѣшенность, спокойствіе, самопожертвованіе отъ того лица, которое вело Институтскій корабль по мертвой зыби русской жизни.

Покойный Михаилъ Ивановичъ съ честью выдержалъ поставленныя ему судьбой испытанія и боролся до послѣдняго напряженія силъ, стараясь удержать въ равновѣсїи ходъ учебной жизни Института. Работоспособность, проявленная имъ за это время, по истинѣ изумительна; я положительно не могу вспомнить случая, чтобы М. И., когда ходъ событій наваливалъ на него все бѣльшія горы работы, отказался отъ какой-либо работы и предложилъ передать ее кому-либо другому. И замѣчательно то, что неся такія многообразныя и тяжелыя обязанности, присутствуя неизмѣнно въ безчисленныхъ засѣданіяхъ Совѣта, отдѣленій, комиссій, устраивая сложное Институтское

хозяйство, заботясь объ удовлетвореніи нуждъ студенчества устройствомъ столовой, библіотеки, научныхъ кружковъ, онъ все-таки улучалъ минуту и удалялся въ лабораторію къ своимъ жидкостямъ и кристалламъ, дававшимъ ему миръ и спокойствіе: какъ Антей, бросался онъ на почву химіи для возстановленія своихъ исчерпанныхъ силъ. Его энергія производила впечатлѣніе на правящіе круги, и ему удавалось добывать довольно крупныя суммы на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ быстро развивавшагося Института: такъ, въ 1903-мъ году по его ходатайству было ассигновано 18000 рублей въ помощь различнымъ учебновспомогательнымъ учрежденіямъ, а въ 1904-мъ — 18500 р., изъ коихъ 6000 р. были даны на студенческую столовую и Комитету Общества пособія нуждающимся студентамъ.

Но и его поразительная по энергіи и устойчивости натура не могла вынести всей тяжести и отвѣтственности роли директора, которому приходилось координировать разнообразныя и часто діаметрально противоположныя силы, проявлявшіяся въ жизни Института, и онъ неоднократно просилъ объ освобожденіи его отъ этой обязанности. Ходатайство это, наконецъ было удовлетворено и, послѣ двухъ лѣтъ директорства, онъ наконецъ могъ болѣе спокойно вздохнуть и отдать свои силы и время главнымъ образомъ педагогической и ученой дѣятельности. Но вотъ въ серединѣ 1906 года, когда Совѣтъ рѣшилъ упорядочить свое разросшееся и весьма сложное хозяйство, потребовались опять его силы и знанія, и его избрали членомъ хозяйственнаго комитета. На этомъ посту онъ проявилъ конечно, такую же энергію, какую и раньше, и между прочимъ усиленно занялся весьма важнымъ вопросомъ Институтскаго хозяйства — установкой правильнаго функціонированія только что законченной устройствомъ станціи для біологической очистки сточныхъ водъ Института. Но, увы, работая надъ этимъ вопросомъ, онъ погибъ; погибъ, сдѣлавъ невѣрный шагъ, оступившись на крышку канализаціоннаго колодца; онъ упалъ и нанесъ себѣ ударъ, причинившій ему тяжкія, смертельныя поврежденія. Это тѣло, носившее въ себѣ неистощимые источники энергіи и любви къ жизни, мѣсяць боролось съ неумолимыми законами природы, но напрасно, — и 12-го декабря прошлаго года

его духъ покинулъ истерзанную, изболѣвшуюся земную оболочку. Смерть эта есть незамѣнимая, невознагражденная потеря для Института.

Этотъ человѣкъ, вышедшій изъ простой крестьянской семьи, спокойно и энергично преодолѣлъ цѣлый рядъ препятствій, поставленныхъ ему русской жизнью, вошелъ въ создающійся Институтъ и положилъ одни изъ самыхъ прочныхъ камней въ фундаментъ Институтскаго строя. Онъ явился какъ бы выразителемъ той жгучей жажды просвѣщенія, которую чувствуетъ русскій народъ, и много далъ для утоленія ея. Основными чертами его натуры была страстная любовь къ жизни и знанію, желаніе поддержать ихъ и помочь всѣмъ ихъ проявленіямъ, неутомимое стремленіе къ работѣ и глубокая человѣчность. Онъ совершилъ все, что только могъ совершить, и теперь въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ Института—мѣста его послѣдней дѣятельности—онъ мирно почіетъ. Будутъ проходить годы, будутъ смѣняться поколѣнія, его имя будетъ постепенно тускнѣть въ непрестанномъ теченіи будничной жизни, но когда, оторвавшись отъ ограниченнаго настоящаго, быстро и небрежно смѣняющаго свой калейдоскопъ событій, будущіе дѣятели нашего Института бросятъ взглядъ назадъ, на его прошлое, они сразу увидятъ излучающую яркій, но мягкій свѣтъ истины и человѣчности фигуру безвременно погибшаго Михаила Ивановича Коновалова.

Проф. В. О. Тимофеевъ.

Ученая дѣятельность проф. М. И. Коновалова*).

Казанской химической школѣ принадлежитъ безспорно выдающееся значеніе. Успѣхи органической химіи неразрывно связаны съ славными именами Н. Н. Зинина, давшего первый искусственный способъ полученія анилина, А. М. Бутлерова—одного изъ основателей и горячаго защитника столь плодотворной теоріи строенія органическихъ соединеній, А. М. Зайцева и В. В. Марковникова—этихъ достойныхъ учениковъ и продолжателей работъ своего знаменитаго учителя — Бутлерова.

В. В. Марковниковъ, занявъ кафедру органической химіи въ Московскомъ Университетѣ, сумѣлъ скоро привлечь къ себѣ молодежь, и въ Московской лабораторіи началась кипучая дѣятельность. Однимъ изъ ближайшихъ и талантливѣйшихъ учениковъ и послѣдователей В. В. Марковникова былъ М. И. Коноваловъ.

Къ началу (1884 г.—годъ окончанія университета) научной дѣятельности М. И. Московская лабораторія всецѣло погружена была въ изслѣдованіе кавказской нефти; вполне понятно поэтому, что какъ первая работа М. И., такъ и рядъ послѣдующихъ касались этой же области. Онъ занялся изслѣдованіемъ мононафтена, выдѣленнаго изъ нефти, и посвятилъ этой темѣ восемь первыхъ своихъ статей; равно какъ и магистерскую свою диссертацию подъ заглавіемъ: „Нафтенны, гексагидробензолы и ихъ производныя“. Москва, 1889.

*) „Краткое извлеченіе изъ ученыхъ трудовъ проф. М. И. Коновалова“ см. Извѣстія 1907 г. кн. 3, стр. 63—86.

Въ этихъ работахъ твердо установлены слѣдующія важныя положенія: 1) мононафтенъ тождественъ съ гекса-гидропсевдо-кумоломъ; 2) какъ нафтенны, такъ и гекса-гидробензолы къ азотной кислотѣ относятся одинаково и 3) реакція Густавсона ($\text{Br}_2 + \text{AlBr}_3$) характерна не только для ароматическихъ углеводородовъ, но также и для нафтенновъ.

Въ началѣ работъ по изслѣдованію нефти В. Марковниковъ твердо держался взгляда, что нафтенны составляютъ особую группу углеводородовъ и ничуть не тождественны съ гексагидро-производными бензольныхъ углеводородовъ, какъ то думали Бейльштейнъ и Курбатовъ. Вышеприведенное первое положеніе М. И. и другія данныя заставили Марковникова измѣнить свой взглядъ и согласиться съ Бейльштейномъ и Курбатовымъ.

Второе положеніе явилось опроверженіемъ, какъ разъ обратнаго взгляда, установленнаго выдающимся авторитетомъ въ нашей наукѣ—проф. Байеромъ.

Третье положеніе ввело ограниченіе относительно примѣнимости реакціи Густавсона только для ароматическихъ углеводородовъ.

Этими семилѣтними изслѣдованіями не ограничиваются его работы съ нефтяными углеводородами; къ нефти М. И. возвращается часто и впослѣдствіи; такъ и въ 1905 году онъ нитровалъ выдѣленный изъ нея ди-изопропилъ.

Съ 1891 г. М. И. переходитъ къ изученію взаимодѣйствія слабой азотной кислоты съ углеводородами предѣльнаго характера и различными ихъ производными. Разработкѣ этой чрезвычайно важной и интересной реакціи М. И. посвятилъ всю свою послѣдующую научную дѣятельность, лишь урывками отвлекаясь къ разрѣшенію другихъ вопросовъ.

Одной изъ побудительныхъ причинъ заняться изученіемъ названной реакціи были, между прочимъ, слѣдующія соображенія. Извѣстно, что одна изъ важнѣйшихъ составныхъ частей растений—бѣлокъ синтезируется въ нихъ на счетъ углекислаго газа, воды и азотнокислыхъ солей. Но какимъ образомъ азотъ селитры переходитъ въ составъ органическаго вещества, совершенно неизвѣстно. „Отчего же не предположить, говорить М. И., что первая фаза этого усвоенія состоитъ въ нитрованіи

углеводовъ слабой азотной кислотой, выдѣленной кислотами листа изъ селитръ. Если ужъ энергіи солнечнаго луча достаточно скопляется въ хлорофилъ для разложенія такого экзотермическаго соединенія, какова угольная кислота, требующая для разложенія тысячъ градусовъ, то нечего и говорить, что ея достанетъ для возбужденія реакціи углеводовъ съ азотной кислотой.. Въ существующихъ данныхъ по этому вопросу, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ничего такого, что противорѣчило бы высказанному мною предположенію. Въ виду этого соображенія, изслѣдованіе дѣйствія слабой азотной кислоты на различныя кислородныя соединенія пріобрѣтаетъ особый интересъ“.

Вопросъ о способѣ образованія бѣлка въ растеніяхъ остался не рѣшеннымъ, за то реакція дѣйствія слабой азотной кислоты на различныя органическія соединенія дала совершенно неожиданные результаты.

Органическія соединенія издавна дѣлятся на два отдѣла: жирныя соединенія и ароматическія. Основаніемъ для такого дѣленія было то, что химическій характеръ тѣхъ и другихъ различенъ, и особенно рѣзкая разница состояла въ томъ, что отъ дѣйствія азотной кислоты на ароматическія соединенія легко получались нитросоединенія, тогда какъ жирныя соединенія не вступали въ эту реакцію. На этомъ свойствѣ основана была весьма характерная и простая реакція, дававшая возможность очень быстро рѣшить вопросъ, относится ли данное соединеніе къ тому или другому классу. Для этого стоило лишь подѣйствовать азотной кислотой и если нитрованіе происходило, т. е., если нитросоединеніе получалось, то, значитъ, изслѣдуемое тѣло было ароматическимъ; въ противномъ случаѣ оно должно было быть отнесено къ жирному ряду.

И вотъ въ 1891 году М. И. выступаетъ съ заявленіемъ, основаннымъ на точномъ опытѣ, что какъ ароматическія, такъ и жирныя соединенія могутъ давать нитросоединенія отъ дѣйствія на нихъ азотной кислоты и что принципиальной разницы между тѣми и другими не существуетъ; разница есть только въ условіяхъ этой реакціи, а именно, для нитрованія жирныхъ соединеній требуется разведенная азотная кислота, для ароматическихъ же — крѣпкая.

Такое утверждение настолько противорѣчило установившимся взглядамъ, что сначала встрѣтило недовѣріе со стороны химиковъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ нѣкоторыхъ руководствахъ по органической химіи какъ бы игнорировалось. Но когда опубликованъ былъ М. И. цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій въ этой области, тогда всякія сомнѣнія исчезли, и теперь уже нѣтъ ни одного руководства, даже и очень малаго объема, въ которомъ не приводилась бы реакція М. И., какъ имѣющая капитальное значеніе.

Помимо указаннаго, ея интересъ оказался крайне разнообразнымъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Простѣйшія жирныя соединенія—это предѣльные углеводороды; они давно названы были параффинами за ихъ поразительную инертность, за неспособность вступать въ превращенія съ обычными реагентами. Ихъ химическая характеристика ограничивалась, главнымъ образомъ, отрицательными свойствами; изъ ихъ положительныхъ свойствъ извѣстно было только одно—это способность замѣщать свой водородъ на галоидъ. Они, какъ выразился М. И., „мертвецы“ въ химическомъ смыслѣ. И вотъ этихъ химическихъ мертвецовъ М. И. удалось призвать къ жизни: своей реакціей онъ ихъ оживилъ. При дѣйствіи азотной кислоты они превращены были въ нитросоединенія, а послѣднія даютъ возможность весьма легко превращать ихъ въ представителей самыхъ разнообразныхъ классовъ органическихъ соединеній: въ амины, спирты, оксими, алдегиды и кетоны и многія другія.

Вопросу о нитрованіи и объ изслѣдованіи продуктовъ, при этомъ полученныхъ, посвящены 56 статей М. И.. Въ нихъ приведенъ рядъ правильностей, подмѣченныхъ при этихъ работахъ, дающихъ возможность пользоваться реакціей нитрованія для опредѣленія строенія химическихъ соединеній. Вопреки давно установленному мнѣнію, что крѣпкая азотная кислота нитруетъ, а слабая окисляетъ, М. И. доказалъ, что нитрованіе свойственно и слабой кислотѣ и что азотная кислота прежде всего нитруетъ, и только потомъ уже окисляетъ. А изъ этого факта сдѣлались понятными и тѣ правильности, которыя наблюдаемы были раньше при окисленіи гомологовъ бензола.

Изучая свойства нитросоединеній, М. И. далъ очень характерную реакцію на высшія первичныя и вторичныя нитросоединенія, а именно съ хлорнымъ желѣзомъ. Имъ подробно изучена была реакція возстановленія нитропродуктовъ; онъ одновременно съ Ганчемъ подмѣтилъ интересную изомерию нитросоединеній, обусловленную перегруппировкой въ группѣ „нитро“

Получивъ, при реакціи возстановленія ароматическіе алдегиды, онъ далъ способъ полученія гомологовъ индиго—этого важнѣйшаго красящаго вещества. Хотя технически его способъ не использованъ, но это ничуть не умаляетъ высокаго научнаго интереса работы.

Я коснулся только главнѣйшихъ выводовъ изъ работъ М. И. по нитрованію; въ дѣйствительности ихъ несравненно больше. Достаточно указать на то, что въ докторской его диссертациі (подъ заглавіемъ: „Нитрующее дѣйствіе азотной кислоты на углеводороды предѣльнаго характера“. Москва, 1893) цѣлыхъ 17 страницъ отведены на выводы; а это было только начало его работъ по нитрованію.

Среди работъ М. И. изъ другихъ областей органической химіи слѣдуетъ отмѣтить: 1) весьма интересный синтезъ сѣрнистыхъ соединеній; 2) объ изомеріи углеводородовъ, получаемыхъ по методу Фриделя; 3) рядъ синтезовъ по способу Гриньяра, Фриделя, Брауна и др..

Работы М. И. такъ или иначе затрагиваютъ вопросы почти изъ всѣхъ классовъ органическихъ соединеній.

Когда приходилось знакомиться съ синтетическими методами другихъ авторовъ, М. И. во всѣхъ случаяхъ вносилъ рядъ важныхъ усовершенствованій и упрощеній.

М. И. напечаталъ 87 статей; въ дальнѣйшемъ приведено краткое извлеченіе изъ нихъ.

Многія работы произведены были при содѣйствіи его учениковъ, умѣнье привлекать которыхъ у М. И. было поразительно.

За семь лѣтъ пребыванія М. И. въ Кіевѣ, свыше 30 учениковъ приняли участіе въ его изслѣдованіяхъ.

Безвременная кончина прервала его кипучую дѣятельность.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ КОНОВАЛОВЪ.

(Род. 1 Ноября 1858 г., сконч. 12 Декабря 1906 г.).

Біографическій очеркъ.

Михаиль Ивановичъ Коноваловъ умеръ, едва вступивъ въ сорокъ девятый годъ жизни, въ полномъ расцвѣтѣ творческихъ силъ и какъ разъ въ тѣ годы, которые онъ мечталъ посвятить обобщенію своихъ экспериментальныхъ работъ, изложенію теоретическихъ взглядовъ, печатанію своего замѣчательнаго курса лекцій и, наконецъ, философскому обоснованію своихъ глубоко-оригинальныхъ убѣжденій въ области общественности и морали. Здѣсь, какъ и всегда почти, сказала жестокая иронія судьбы: лучшіе русскіе люди, вообще, недолго живутъ; рокъ не даетъ имъ сказать своего слова до конца. Михаилъ Ивановичъ унесъ съ собою въ могилу множество подмѣченныхъ имъ тайнъ природы, которыя придется теперь искать вновь, и значительное число общихъ идей, которыя долго будутъ бродить, какъ тѣни, въ головахъ отдѣльныхъ друзей, учениковъ и даже случайныхъ собесѣдниковъ покойнаго, и неизвѣстно, когда воплотятся въ яркую и стройную философскую систему.

Будущій историкъ современной эпохи, да навѣрное и не одинъ, со вниманіемъ остановится на замѣчательной личности Михаила Ивановича Коновалова.

Но настоящій очеркъ весьма кратокъ за невозможностью столь скоро собрать и обработать необходимый матеріалъ о

кипучей и разносторонней дѣятельности Михаила Ивановича. Пусть нѣсколько утихнетъ скорбь многочисленныхъ друзей, вызванная его смертью; необходимо нѣсколько отойти—тогда, въ перспективѣ, крупная и чистая личность Михаила Ивановича Коновалова высоко поднимется надъ уровнемъ современниковъ и станетъ видна со всѣхъ сторонъ, Теперь-же возможно дать лишь краткій конспектъ и намѣтить канву будущей, болѣе подробной работы.

Михаилъ Ивановичъ родился 1-го ноября 1858 г. въ деревнѣ Будихино, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губ., въ сравнительно зажиточной крестьянской семьѣ, мужское поколѣніе которой, по мѣстному обычаю, занималось отхожимъ трактирнымъ промысломъ. Пяти лѣтъ потерялъ Михаилъ Ивановичъ отца и воспитывался подъ вліяніемъ своей умной и энергичной матери, Анны Петровны, которая вела все крестьянское хозяйство и руководила двоими старшими братьями Михаила Ивановича, тогда совсѣмъ еще молодыми людьми, державшими трактиръ въ г. Рыбинскѣ, въ 17 верстахъ отъ деревни. Къ характеристикѣ семьи Коноваловыхъ того времени, отчасти и мѣстнаго крестьянства, слѣдуетъ замѣтить, что Анна Петровна, хоть и на пятомъ десяткѣ, выучилась грамотѣ; изъ старшаго брата, Василия Ивановича, выработался въ послѣдствіи уважаемый и просвѣщенный гласный Рыбинской думы; двоюродный дядя—Федоръ Ивановичъ, цитировалъ цѣлыя страницы изъ Пушкина и Лермонтова, зналъ и читалъ Грановскаго и Бѣлинскаго, которымъ ему случалось прислуживать въ одномъ изъ московскихъ трактировъ.

Грамотѣ обучался Михаилъ Ивановичъ въ деревнѣ у мѣстнаго грамотѣя, который для внушенія къ себѣ почтенія всегда держалъ на виду „лѣстовку“, но обходился съ учениками кротко.

На 11-мъ году Михаилъ Ивановичъ отправленъ былъ въ городъ, помогать братьямъ въ трактирной работѣ. Впрочемъ, они дозволили ему посѣщать сначала городское училище, а затѣмъ и уѣздное, которыя Михаилъ Ивановичъ окончилъ бле-

стояще. Дальнѣйшее образованіе оба брата считали роскошью, совсѣмъ недоступною, а потерю дарового работника — гибельною для дѣла.

Но Михаилъ Ивановичъ уже получилъ вкусъ къ ученью и рѣшилъ идти дальше — въ гимназію, для чего надо было отправляться за восемьдесятъ верстъ, въ Ярославль. Неизвѣстно, какъ повелѣлъ-бы Михаилъ Ивановичъ, при своемъ чрезвычайно мягкомъ, уступчивомъ характерѣ, борьбу съ упрямыми братьями. Вмѣшательство матери сразу рѣшило дѣло въ пользу его.

Въ 1873 году, когда Михаилу Ивановичу пошелъ уже 15-й годъ, мать идетъ съ сыномъ въ Ярославль пѣшкомъ и пытается опредѣлить его въ гимназію. Но путешественники вернулись назадъ лишь со свѣдѣніями обо всѣхъ необходимыхъ формально-стяхъ, а Михаилъ Ивановичъ и со спискомъ книгъ, которыя онъ долженъ былъ изучить для экзамена въ четвертый классъ.

Еще годъ служитъ Михаилъ Ивановичъ въ трактирѣ, посвящая все свободное время изученію гимназическихъ учебниковъ, и въ августѣ 1874 г. вновь отправляется въ Ярославль. Но и на этотъ разъ успѣхъ оказался неполнымъ. Другъ юности Михаила Ивановича С. В. Щербаковъ сообщаетъ: „Миша на экзаменѣ. Такіе предметы, какъ исторія, географія, законъ Божій, ариѳметика съ алгеброй проходятъ вполнѣ благополучно.

Но когда онъ предсталъ передъ учителями древнихъ языковъ, передъ учителемъ французскаго языка, то тутъ вышелъ цѣлый рядъ странныхъ недоразумѣній. Онъ даже читать правильно не умѣетъ, не говоря уже про варварскій французскій прононсъ. Поправки экзаменатора онъ радостно принимаетъ, припоминая, что его случайные учителя, среди посѣтителей трактира, именно такъ-же, какъ этотъ учитель, читали эти слова. Склоненія и спряженія „по-своему“ онъ знаетъ. „Для 4-го класса поступающій былъ признанъ положительно непригоднымъ, онъ не годится даже въ 3-ій классъ“.

„Однако, инспекторъ гимназіи Ил. Ил. Рагозинниковъ склонилъ учителей во вниманіе особыхъ обстоятельствъ, при которыхъ готовился Коноваловъ, оцѣнить его познанія по языкамъ балломъ 3 для третьяго класса. Михаилъ Ивановичъ былъ принятъ въ гимназію“.

Къ Рождеству у него въ выводѣ была кругомъ пятерка, и съ этого балла онъ не сходилъ до окончанія гимназіи, получивъ при выпускѣ золотую медаль.

Извѣстный депутатъ первой Государственной Думы кн. С. Д. Урусовъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „я сошелся съ Коноваловымъ близко только въ 5-мъ классѣ, когда оба наши отдѣленія соединились. Въ то время онъ зарабатывалъ средства къ жизни уроками, занимая двѣ комнаты въ полуразрушенномъ домѣ около гимназіи. Въ квартирѣ его жили два иногороднихъ гимназиста и старуха, готовившая незатѣйливый обѣдъ въ простой русской печкѣ, занимавшей половину комнаты. Хозяинъ квартиры проявлялъ уже тогда тѣ свойства, которыя доставили ему прозвище „настоятеля“ своеобразной гимназической общины, имѣвшей у него постоянный пріютъ. Кружокъ товарищей тѣсно сплотился вокругъ Михаила Ивановича, какъ мы всѣ его звали, въ качествѣ своего рода вольныхъ слушателей; у него готовились уроки, къ нему обращались за разъясненіемъ трудныхъ классиковъ и отъ него ждали разрѣшенія сложныхъ задачъ. Но далеко не одною ролью добровольнаго репетитора ограничивалась та безкорыстная помощь, которую оказывалъ многимъ изъ насъ всезнающій первый ученикъ; огромное нравственное вліяніе, авторитетъ, пріобрѣтенный имъ въ товарищеской средѣ, давали возможность Коновалову ставить на правильный путь колеблющіеся характеры и сдерживать проявленія дурныхъ наклонностей, часто сопровождающихъ переходный возрастъ; въ этомъ смыслѣ прозваніе „настоятеля“ подходило къ нему, какъ нельзя лучше. Самъ онъ былъ серьезенъ безъ педантизма и, ведя строго нравственную жизнь, служилъ примѣромъ и сдерживалъ другихъ. Авторитетъ Коновалова признавался и гимназическимъ начальствомъ“. „По окончаніи курса въ 1880 году Коноваловъ поступилъ на естественный факультетъ Московскаго Университета. Проживъ съ нимъ вмѣстѣ цѣлый годъ въ угловой комнатѣ четвертаго этажа такъ называемаго „Скворешника“, на углу Воздвиженки и Моховой, я всегда изумлялся умѣнію Михаила Ивановича распоряжаться своимъ временемъ. Ни одной минуты въ теченіе дня не проходило у него даромъ, и въ этомъ рѣдкомъ умѣннѣ использовать

промежуточные моменты и составлять изъ нихъ трудовые часы заключался секретъ рѣдкой успѣшности работы Коновалова“.

„Въ университетское время Михаилъ Ивановичъ по прежнему составлялъ центръ, около котораго группировалась часть студентовъ—ярославцевъ, и нашъ нумеръ въ опредѣленные дни наполнялся гостями. У Коновалова былъ только одинъ урокъ,— больше онъ не соглашался на себя брать, не желая отрываться отъ научныхъ занятій“.

Авторъ настоящаго доклада впервые увидѣлъ Михаила Ивановича, когда онъ былъ студентомъ четвертаго курса и дѣлалъ свою кандидатскую диссертацию. Мы—новички работали въ той-же, въ сущности единственной, залѣ старой лабораторіи и постоянно пользовались указаніями и помощью Михаила Ивановича, который, казалось, никогда не покидалъ рабочаго зала. Товарищи удивлялись необыкновеннымъ способностямъ и феноменальной памяти Михаила Ивановича; онъ внушалъ намъ особое уваженіе, но и любовь—это былъ самый общительный, добродушный и веселый студентъ во всей лабораторіи. Черезъ годъ, въ 1884 году, мы сдѣлались учениками Михаила Ивановича—лаборанта и начали проходить подъ его руководствомъ количественный анализъ.

„Совсѣмъ уже перезабылъ все“, были первыя его слова. Между тѣмъ, и наиболѣе опытный преподаватель во всемъ уступилъ-бы Михаилу Ивановичу.

Причина заключалась въ особой манерѣ вести занятія. Онъ чрезвычайно охотно обращался къ книжкѣ, дѣлалъ въ ней необходимыя дополненія и поправки, разъяснялъ студенту темныя мѣста. Охотно давалъ ему въ руки подробныя руководства и тѣмъ приближалъ его къ настоящей наукѣ. Но главное—онъ всегда былъ въ курсѣ нашихъ работъ, видѣлъ всѣ промахи и ошибки.

Это живо чувствовалось, и по неволѣ приходилось намъ передѣлывать всѣ сколько-нибудь неаккуратно выполненныя задачи, несмотря на безусловную снисходительность Михаила Ивановича.

Какъ только мы перешли къ работамъ по органической химіи, руководство естественно вошло въ обязанности Михаила

Ивановича, и мы считали его, а не В. В. Марковникова, своимъ учителемъ.

Въ сущности, это была весьма счастливая комбинація: глубоко-демократичный, мягкій до нѣжности, безконечно терпѣливый, всегда бодрый, увлекающій за собой, Михаилъ Ивановичъ Коноваловъ и рядомъ съ нимъ — строгій, взыскательный, со старыми дворянскими привычками и нетерпѣливый В. В. Марковниковъ, который, хотя и старался быть демократомъ, но не могъ. Первый увлекалъ всю лабораторію впередъ, второй подгонялъ ее.

Въ то же время Михаилъ Ивановичъ положительно нянчился съ каждымъ изъ насъ. Всѣ сколько-нибудь отвѣтственныя манипуляціи производились непременно въ его присутствіи, и въ каждый моментъ онъ былъ въ курсѣ работы каждаго студента: Михаилъ Ивановичъ быстро схватывалъ индивидуальныя особенности каждаго своего ученика и всегда во-время являлся ему на помощь. Приходилось удивляться, когда онъ работалъ самъ? Но онъ успѣвалъ дѣлать больше всѣхъ и работалъ притомъ очень весело. Вечеромъ, когда лабораторія начинала пустѣть, Михаилъ Ивановичъ, уходящій послѣднимъ, начиналъ потихоньку пѣть, скоро увлекался и, въ концѣ концовъ задавалъ чуть не цѣлые концерты, но это не отвлекало его отъ работы; при сильной груди, ему не требовалось никакой позы, а длинный рабочій день нисколько его не утомлялъ. Тогда смолкали всѣ наши свистуны, и мы долго зарабатывались въ лабораторіи подъ пѣніе Михаила Ивановича, дѣйствительно чудное: у него былъ отличный баритонъ, много тонкаго чувства и неисчерпаемый запасъ пѣсень.

Самая пламенная рулада не мѣшала Михаилу Ивановичу тотчасъ-же услышать, если у кого изъ студентовъ происходило замѣшательство, и тотчасъ явиться на выручку. Принимать заботы Михаила Ивановича было въ высшей степени легко, — такъ это просто всегда дѣлалось, что студенту и въ голову не приходило, что на него тратится дорогое время; за то онъ всей душой шелъ навстрѣчу М. И. и съ увлеченіемъ работалъ подъ его руководствомъ, выполняя огромное число препаратовъ или трудясь надъ кандидатской диссертацией.

Но тѣмъ болѣе требовалось труда со стороны самого М. И.

Между тѣмъ, въ эти годы онъ долженъ былъ готовиться къ магистерскимъ экзаменамъ, сдать которые у В. В. Марковникова и А. Г. Столѣтова было дѣломъ чрезвычайно серьезнымъ. Сверхъ всего этого, тотчасъ по окончаніи курса въ Университетѣ, М. И. взялъ уроки естествознанія и физики въ женскомъ учебномъ заведеніи О. А. Виноградской.

Приведемъ небольшія выдержки изъ ея воспоминаній. „Когда я сообщила ему, что заведеніе молодое, 2-ой годъ существуетъ, мало у меня пособій, онъ на минуту задумался, окинулъ быстрымъ взглядомъ болѣе, чѣмъ скромную обстановку комнаты, гдѣ я его принимала, и скороговоркой, какъ-то бросилъ; „А Вы не горюйте: и тутъ попробуемъ, что можно будетъ сдѣлать; я, вѣдь, не поклонникъ большихъ физическихъ кабинетовъ; кое-что приобрьтемъ, а то попробуемъ и сами сдѣлать — все со временемъ устроится“...

На слѣдующій день я съ нетерпѣніемъ прислушивалась къ звонкамъ, опаясь, что Михаилъ Ивановичъ опоздаетъ, забудетъ, сконфузится на первомъ урокѣ. Минута въ минуту позвонилъ Михаилъ Ивановичъ. Онъ былъ въ старенькомъ костюмчикѣ, съ пятнами отъ химическихъ реактивовъ, какъ и накануне; но меня поразило, что онъ словно весь, какъ-то раздался со времени нашего свиданія.

Спокойно и увѣренно вошелъ Михаилъ Ивановичъ въ классъ и сказалъ: „Сегодня я познакомлю Васъ съ новой наукой физикой. Вы еще не знаете ея по имени, а практически давно съ ней знакомы“. И тутъ же необыкновенно просто и ясно сталъ излагать М. И. сущность науки на рядѣ примѣровъ, взятыхъ изъ окружающей учащихъ дѣйствительности“. „Окончивъ теоретическую часть, онъ сказалъ: „Это Вамъ всѣмъ еще лучше уяснится на опытахъ, мы съ Вами нѣсколько опытовъ сейчасъ сдѣлаемъ и повторимъ все, что я сказалъ“. Я только, что встала, чтобы спросить, гдѣ же будутъ опыты, что для нихъ нужно, какъ увидала, что М. И. быстро шарить по своимъ карманамъ и скоро-скоро вытаскиваетъ изъ нихъ и одинъ за другимъ ставитъ рядъ баночекъ, пузыречковъ. М. И. началъ „худѣть“. Вотъ изъ кармана появляется вслѣдъ за этимъ и

маленькая спиртовая лампочка и пузырекъ со спиртомъ; ничего не забылъ М. И., даже спички принесъ и таганчикъ и подставку, все маленькое, самое простое, но тутъ все есть, ничего не забылъ. Въ мигъ закипѣла работа, въ импровизированной крошечной лабораторіи одинъ за другимъ стали дѣлаться опыты. Заблестѣли глаза у нѣкоторыхъ дѣвочекъ, вытянули онѣ шеи, жадно слѣдя за происходящимъ на столѣ. Урокъ прослушанъ былъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ. Я поняла, что нашла то, что искала: нашла „душу живу“.

„Вообще, преподаваніе М. И. носило печать глубокой оригинальности и рисовало его, какъ выдающагося педагога. Однимъ изъ оригинальнѣйшихъ пріемовъ его были постоянныя бесѣды съ учащимися по вопросамъ внѣ курса: напр., отвѣтить ученица урокъ, а Михаилъ Ивановичъ тотчасъ предлагаетъ объяснить какое-либо явленіе, постоянно наблюдаемое учащимся, нерѣдко такое, которое на первый взглядъ, какъ-бы противорѣчитъ какому-либо основному физическому закону. При этомъ во всемъ блескѣ выказывалась находчивость М. И. и его удивительное остроуміе и изобрѣтательность. Ученицы очень любили эти бесѣды и цѣнили ихъ“.

„Самъ „герой духа“, такъ умѣлъ будить Мих. Ив. духъ учащихся, развить ихъ любознательность, умственную пытливость, — самое дорогое, что можетъ дать школа — учить ихъ наблюдательности. Нерѣдко уроки М. И. превращались въ сплошную непринужденную, живую бесѣду съ учащимися. Удивительная простота, ласковость, ровность дѣлали то, что ученицы всегда охотно обращались къ М. И. за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній и сами бывало заготовляли ему вопросы. Понятно, что такое преподаваніе не могло не приносить самыхъ блестящихъ результатовъ; самымъ дорогимъ изъ нихъ была удивительная сознательность отвѣтовъ учащихся того времени“.

Само собою разумѣется, что, лишь благодаря своимъ необыкновенно высокимъ способностямъ и чрезвычайной силѣ своей нервной организаціи, могъ М. И. нести одновременно три такихъ большихъ дѣла, изъ которыхъ каждое поглотило-бы всѣ силы средняго человѣка: лабораторію, подготовку къ магистерскимъ экзаменамъ и учительство.

Но для того, чтобы вести все это съ такимъ выдающимся успѣхомъ, для того, чтобы находить отдыхъ единственно въ перемѣнѣ объекта труда, необходимы привычки трудового крестьянскаго воспитанія и соотвѣтствующая наслѣдственность. Къ столь упорному труду способны столь немногіе изъ русскихъ интеллигентныхъ людей. что М. И. являлся яркимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Ниже мы увидимъ, что постепенно трудъ М. И. возросъ до размѣровъ, требующихъ сверхчеловѣческихъ силъ; были періоды, когда онъ положительно убивалъ себя на работѣ. — „Жизнь коротка; въ нашемъ роду никто не доживалъ до пятидесяти лѣтъ“, часто говорилъ М. И. И онъ спѣшилъ жить, чтобы успѣть закончить главнѣйшую задачу жизни.

Подробная біографія покажетъ, что М. И. представлялъ собою чистый типъ русскаго подвижника, столь близко примыкающій къ типу мученика. Но этотъ подвижникъ всегда былъ необыкновенно привѣтливъ, веселъ и бодръ.

Въ 1887 г. М. И. блестяще сдалъ магистерскіе экзамены. Черезъ два года онъ защитилъ диссертацию: „Нафтены, гексагидробензолы и ихъ производныя“, которая разбила теорію строенія углеводородовъ кавказской нефти, предложенную В. В. Марковниковымъ.

Диссертация М. И. выдвинула новыя задачи, и старый профессоръ ступилъ на путь, указанный своимъ ученикомъ. Къ этому времени М. И. сдѣлался не только фактическимъ руководителемъ, но и вдохновителемъ работъ, выходившихъ изъ лабораторіи Московскаго Университета. Одно за другимъ печатаются и новыя изслѣдованія самого М. И.

Сдѣлаемъ небольшое заимствованіе изъ воспоминаній А. М. Беркенгейма, ученика, а затѣмъ товарища Михаила Ивановича въ этотъ періодъ: „М. И. приходилъ въ лабораторію однимъ изъ первыхъ, если не самымъ первымъ и тотчасъ брался за дѣло. Онъ успѣвалъ уже приготовить все, что ему надо было для своей работы, когда появлялись студенты. Каждый тотчасъ приходилъ въ маленькую лаборантскую комнату Михаила Ивановича рассказать о результатахъ своей вечерней работы, и каждый обращался къ нему, — кто съ просьбой показать, какъ за-

паивать трубки, кто—выдуть шарикъ, перевести что-нибудь съ иностраннаго языка, научить тому или другому приему. Михаилъ Ивановичъ тотчасъ же шелъ, куда студенту было нужно; въ комнату для сожженія, въ комнату для запаиванія трубокъ, въ матеріальную, бібліотеку—и я думаю, при хожденіи туда и назадъ, въ свою лаборантскую и обратно, Мих. Иван. проходилъ въ день не мало верстъ. Но никогда отъ М. И. не дожدهшься отказа и никогда при этомъ онъ не торопился. На пути онъ успѣвалъ просмотрѣть, что дѣлается съ его собственными трубками, вскрыть ихъ или заготовить печь для ограническаго сожженія. Непосредственныя отношенія М. И. къ студентамъ были всегда серьезныя, и при всемъ томъ никогда почти улыбка не сходила съ лица Мих. Ив. Онъ серьезно руководилъ занятіями своихъ учениковъ—студентовъ и въ то же время прекрасно успѣвалъ вести и собственныя серьезныя работы и заявить себя едва-ли не лучшимъ русскимъ химикомъ нашего времени. Что насъ всегда всѣхъ поражало, это удивительное умѣніе Мих. Ив. распредѣлять свое время. Онъ, что называется, возился съ каждымъ студентомъ, который занимался подъ его руководствомъ. Но, бесѣдуя съ нимъ, онъ ни на минуту не забывалъ про свою работу: то посмотритъ онъ температуру, то что-нибудь перегонитъ, то перекристаллизуетъ. Какъ-то незамѣтно, среди дѣла, успѣвалъ онъ прочитать лекцію,—а дѣло его работы шло своимъ чередомъ безостановочно. Онъ умудрялся даже сбѣгать на урокъ и уходилъ и приходилъ незамѣтно, совершенно не прерывая лабораторнаго своего дѣла или обязанности“.

Словомъ, выходило такъ, что М. И. успѣвалъ много работать для себя, но дѣлалъ это урывками, среди работы для другихъ.

Два или три раза въ недѣлю М. И. шелъ вечеромъ на Коллективные уроки, возникшіе взаимѣнъ навсегда закрытыхъ въ 1889 г. Лубянскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Приведемъ выдержки изъ сообщенія его ученицы З. В. Кикиной: „Практическія занятія происходили по вечерамъ, послѣ лекцій, часовъ съ 8—9 вечера, Въ мое время занимавшихся было 20—30 человекъ. Послѣ длиннаго трудового дня, послѣ 2—3 часовой лекціи, прочитанной, кромѣ того, у насъ, Мих. Ив. бывалъ также ровень и ласковъ въ обращеніи со всѣми, какъ

и всегда. На него, казалось, не дѣйствовали ни трудъ, ни усталость. Мы же часто нервничали, раздражались неудачами и трудностями налаживанія приборо́въ, при несовсѣмъ благоприятной обстановкѣ Коллект. уроковъ „Мих. Ив., Мих. Ив!“ раздается бывало то изъ одного, то изъ другого угла, „ничего не выходитъ“. „Сейчасъ, сейчасъ, сударыня, и къ вамъ приду“. И онъ, не уставая, переходилъ отъ группы къ группѣ, и скоро опытная рука налаживала дѣло, упавшая было энергія подымалась у работавшихъ. Занятія иногда затягивались далеко за полночь, и послѣднимъ обыкновенно уходилъ Мих. Ив.

Пришлось мнѣ поработать съ М. И. и въ качествѣ лаборанта на тѣхъ-же Коллективн. урокахъ. Трудность положенія лаборанта обыкновенно заключается не столько въ трудѣ, котораго требуетъ само дѣло, какъ въ зависимости отъ профессора, въ необходимости приноравливаться къ личнымъ свойствамъ и вкусамъ патрона. Въ этомъ отношеніи лучшаго, болѣе покладистаго патрона, чѣмъ М. Ив., было трудно найти: Онъ самъ приноравливался къ лаборанту, а не лаборантъ къ нему. За два года лаборантства, при всей моей неопытности, онъ ни разу не заставилъ меня испытать чувство неловкости передъ аудиторіей.

Тутъ особенно рѣзко сказывалась природная деликатность Мих. Иван. и его снисходительное отношеніе къ ошибкамъ другихъ.

„Знала я Мих. Ив. и впослѣдствіи, когда пришлось начинать свои научныя работы. Тутъ мнѣ пришлось особенно оцѣнить эту богатую по своей разносторонности и гуманную по отношенію къ людямъ личность. Идеи рождались у него моментально. Передъ ученикомъ Мих. Иван. развертывалъ цѣлую картину, цѣлую перспективу работы. При этомъ, что особенно сильно чувствовалось и было особенно дорого, это — забота о самомъ работающемъ, желаніе заинтересовать его, вести въ кругъ понятій и идей, крупица которыхъ предоставлялась его практической разработкѣ. Онъ училъ молодежь научному методу“.

А. Н. Шереметевская сообщаетъ о тѣхъ-же курсахъ слѣдующее: „Имя Мих. Ив. Коновалова должно быть внесено въ исторію высшаго женскаго образованія, какъ одного изъ организаторовъ этого дѣла въ Москвѣ, и страница, внесенная въ эту

исторію, при его ближайшемъ участіи, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ. Надо вспомнить, что у Коллективныхъ уроковъ средствъ не было, что слушательницы платили мало и что ихъ было вначалѣ всего 40, чтобы оцѣнить подвигъ преподавателя, задавагося цѣлью не только прочесть курсъ химіи, но научить химіи и, такъ сказать, пропагандировать въ массѣ методъ химческаго изслѣдованія. И это ему удалось. Химія скоро сдѣлалась на Коллективныхъ урокахъ пунктомъ, наиболѣе привлекавшимъ женскую разночинную молодежь.

„Всѣ стремились поработать подь руководствомъ М. Ив., хотя доступъ къ практическимъ занятіямъ былъ обусловленъ сдачей репетиціи.

„Но всѣ шли охотно репетироваться.

„Мих. Иван. и къ репетиціямъ относился только какъ къ средству обученія и охотно бесѣдовалъ съ ученицами, распрашивая ихъ и разъясняя имъ все непонятное. Практическія работы по общей химіи начинались уже въ концѣ 1-го полугодія.

„Сначала мнѣ казалось, что Мих. Ив. непроизводительно тратитъ время и матеріаль, допуская къ занятіямъ первокурсницъ: тѣ, кто серьезно занимается, останутся на 2-ой годъ, думалось мнѣ, ихъ будетъ меньше, и заниматься будетъ удобнѣе. Я высказала свои сомнѣнія Мих. Ив., но онъ живо убѣдилъ меня въ своей правотѣ и поразилъ своимъ идеализмомъ: „потому и нужно ихъ учить въ 1-ый годъ, что не всѣ останутся на 2-ой. Значить, такъ больше народу научится, а чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и въ особенности тѣмъ, кто не останется на 2-ой годъ, нужны практическія занятія—такъ онѣ получаютъ много больше, чѣмъ слушая однѣ лекціи“.

„При такомъ взглядѣ на преподаваніе, понятно, что М. И. постоянно мечталъ о созданіи собственной лабораторіи Коллективныхъ уроковъ, а пока занимался, гдѣ пришлось: въ простой комнатѣ, въ классѣ, въ подвалѣ, на чердакѣ наконецъ, привозя съ собой весь необходимый матеріаль для лекцій и практическихъ занятій. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа слушательницъ, стали возможны и правильныя ассигновки, и расходъ на химію сдѣлался солидной статьѣй въ общемъ бюджетѣ—болѣе 1.000 руб. изъ неполныхъ 8.000. Наконецъ, Коллективные уроки

перешли въ собственное помѣщеніе, и М. И., не теряя времени, принялся за сооруженіе лабораторіи.

„Въ этой лабораторіи цѣлые дни были занимающіяся, смѣняя другъ друга въ правильной очереди.

„М. И. былъ однимъ изъ тѣхъ, кто выростилъ Коллективные уроки изъ небольшого зерна до размѣровъ высшаго учебнаго заведенія и на которое онъ затратилъ столько энергіи, ума и таланта“.

Въ 1893 г. Мих. Ив. защитилъ свою докторскую диссертацию: „Нитрующее дѣйствіе азотной кислоты на углеводороды предѣльнаго характера“.

Защита могла-бы состояться чуть не на цѣлый годъ ранѣе, но главный рецензентъ продержалъ диссертацию подъ сукномъ, помнится, свыше девяти мѣсяцевъ.

Это отразилось на судьбѣ М. И., лишивъ его шансовъ тогда же получить кафедру въ родномъ Университетѣ. За то диспутъ прошелъ какъ триумфъ: студенты въ самой горячей формѣ выразили свои чувства къ любимому учителю, Но оваціями въ Университетѣ дѣло не ограничилось. На другой день послѣ диспута къ пишущему эти строки являются уполномоченные отъ студентовъ съ приглашеніемъ придти въ ресторанъ на чествованіе М. И., устраиваемое студентами.

„Сколько же будетъ народу?“ „Подписалось полтораста чловѣкъ“. „Заберутъ всѣхъ насъ!“ „Пускай забираютъ“. Времена были, какъ и всегда почти въ нашемъ отечествѣ, „хуже прежнихъ“, но ничего подобнаго и прежде не допускалось. Каждый въ то время посмѣшилъ-бы уклониться отъ всякаго изъявленія студенческихъ симпатій. Но Михаилъ Ивановичъ совершенно не умѣлъ отказываться, да надо прибавить, что онъ вовсе не зналъ чувства страха.

Въ большой залѣ того самаго Скворешника, гдѣ нѣкогда жилъ М. И. съ кн. С. Д. Урусовымъ, собралось болѣе двухсотъ студентовъ и лаборантовъ. Нашлось не мало отличныхъ ораторовъ, — двое изъ нихъ сыграли недавно замѣтную и почетную роль во второй Государственной Думѣ, — вечеръ прошелъ необыкновенно идейно и удачно. И, сверхъ всякаго ожиданія, не послѣдовало никакихъ репрессій.

Въ эти же самые годы, къ которымъ относятся приведенныя сообщенія, Мих. Ив. очень много работалъ въ Московскомъ Комитетѣ Грамотности, въ такъ называемой библиотечной комиссіи. Никто не прочитывалъ столько народныхъ книгъ и не давалъ такъ много обстоятельныхъ рецензій. Зналъ онъ народную литературу прекрасно, а естественно-научный отдѣлъ ея— въ совершенствѣ.

Основная идея Мих. Ив. Коновалова: народная литература должна быть именно „народной“, а не „простонародной“. Поэтому онъ требовалъ отъ популярныхъ книгъ научной точности и правды. Теперь это считается общепризнаннымъ, но тогда сильно господствовала тенденція понижать науку до простонароднаго пониманія.

Михаиль Ивановичъ, самъ сынъ народа, глубоко чувствовалъ эту ошибку и энергично боролся противъ нея.

Комитетъ Грамотности былъ закрытъ (формально лишь преобразованъ). Но въ главнѣйшихъ чертахъ задача его была выполнена: народной литературѣ данъ былъ сильный толчекъ и вѣрное направленіе, и она ступила на путь самостоятельнаго развитія.

Вскорѣ, при учебномъ отдѣлѣ Императорскаго Техническаго Общества въ Москвѣ возникла „Коммиссія по организаци домашняго чтенія“, задавшаяся цѣлью англійскихъ University extension. Михаилъ Ивановичъ съ обычной энергіей принялъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ и былъ наиболѣе дѣятельнымъ участникомъ, какъ въ организаци Коммиссіи, такъ особенно въ разработкѣ программъ по естествознанію, вообще, по физикѣ и химіи, въ частности. Вскорѣ же явилось множество учениковъ въ провинціи. Пишущему эти строки постоянно приходилось удивляться, откуда бралъ Мих. Ив. время, чтобы прочитывать многочисленныя письма учениковъ изъ провинціи съ рѣшеніемъ задачъ, съ отвѣтами на теоретическіе вопросы и еще болѣе многочисленными вопросами и просьбами о разъясненіи трудныхъ мѣстъ разныхъ руководствъ. Едва-ли не всю корреспонденцію этого рода по своему отдѣлу велъ М. И. единолично. Нельзя поручиться, удастся ли разыскать что изъ этого очень цѣннаго матеріала. Но, какъ было-бы хорошо, если-бы его многочислен-

ные корреспонденты, изъ всѣхъ концовъ Россійской Имперіи, сообщили копіи писемъ Мих. Ив. Въ виду недостатка въ подходящей литературѣ, Коммиссія выдѣлила особую организацію, занявшуюся изданіемъ „Библиотеки для Самообразования“. Въ составъ редакціи вошли: П. Г. Виноградовъ, Н. Я. Гротъ, М. И. Коноваловъ, П. Н. Милюковъ, В. Д. Соколовъ и А. И. Чупровъ.

Товарищъ по работѣ В. Д. Соколовъ сообщаетъ слѣдующее: „Со дня возникновенія Коммиссіи и по день своей безвременной кончины М. И. Коноваловъ не прерывалъ своего всегда дѣятельнаго и авторитетнаго участія въ редактированіи „Библиотеки для Самообразования“. До своего отъѣзда изъ Москвы, онъ буквально не пропустилъ ни одного редакціоннаго собранія, часто принимая на себя разнообразныя и кропотливыя порученія и всячески облегчая дружную товарищескую работу. То же продолжалъ онъ дѣлать и изъ Кіева, постоянно и оживленно переписываясь съ редакціей и обязательно посѣщая, при случаѣ, ея собранія или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ членовъ ея во время своихъ проѣздовъ черезъ Москву. При его непосредственномъ личномъ участіи были изданы:

И. Ремсень. Введеніе въ изученіе органической химіи. Книга эта отпечатана теперь третьимъ изданіемъ.

Кукъ. Новая химія (Давно уже распродана).

Новаго изданія, по предложенію Мих. Ив. Коновалова, не предполагается.

И. Ремсень. Введеніе въ изученіе химіи (неорганическая химія).

Книга эта выдержала уже два изданія.

А. Ганчъ. Краткое руководство по стереохиміи.

В. Круксъ. О происхожденіи химическихъ элементовъ.

Ф. Гизель О радиоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ.

Кромѣ того, въ брошюрной серіи „Библиотеки для Самообразования“ изданъ личный трудъ М. И. Коновалова — Практическія занятія по общей химіи.

„За послѣднее время онъ, повидимому, особенно сосредоточился на подготовкѣ къ изданію цѣлаго ряда своихъ работъ. Такъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 18 авг. 1906 г. онъ, между прочимъ, спрашиваетъ: „не подойдутъ ли для брошюрной серіи

подготовленные мною публичные лекции (2—3) о высоких и низких температурах“ и далѣе говоритъ: „Къ веснѣ, быть можетъ, напишу свои лекціи по химіи (общій курсъ)“. Въ письмѣ же отъ 9-го ноября онъ интересуется вопросомъ: „на какихъ условіяхъ могло-бы т-во издать приготовляемую мною книжку по химіи для среднихъ учебныхъ заведеній.“

Но вернемся къ „лаборантскому“ періоду жизни Мих. Ив. и заимствуемъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ воспоминаній товарища его по лабораторіи—А. Н. Реформатскаго: „удивительно живой и продуктивный научный работникъ, самъ много работавшій, руководившій работами многочисленныхъ учениковъ, въ это же время дававшій уроки въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ,—надо же было обезпечить себѣ и женѣ хоть не голодное существованіе, — Михаилъ Ивановичъ являлся крупнымъ общественнымъ работникомъ: работалъ онъ самъ и увлекалъ въ эти работы и другихъ. Цѣлый день бывало М. И. на работѣ.

„Когда ты обѣдаешь, Мих. Ив?“ „Въ 7 ч. утра и въ 12 ч. ночи“, отвѣчалъ онъ. „Иначе нельзя“. Недаромъ мы называли его самоэнергіей.

„Въ 90-хъ годахъ, вѣроятно, не было въ Москвѣ такого интеллигентнаго просвѣтительнаго начинанія, особенно клонившагося къ популяризаціи науки, въ которомъ видной роли не игралъ бы М. И. Возникаетъ въ средѣ московскихъ и петербургскихъ преподавателей идея широкой популяризаціи естественнонаучныхъ занятій, и Мих. Ив. тутъ принимаетъ самое живое участіе. Указанная группа издаетъ „Сборникъ въ помощь самообразованію“, и Мих. Ив. даетъ сюда, скажу, шедевры научной популяризаціи, статьи: „Химія, ея предметъ, задачи и значеніе“ и „Анализъ и синтезъ въ химіи. Отъ чего зависитъ разнообразіе тѣлъ въ природѣ“. Указанный кружокъ продолжаетъ свое дѣло, издавая „Физико-математическій Ежегодникъ“, и Мих. Ив. печатаетъ здѣсь статьи „Объ аллотропіи элементовъ“ и „Успѣхи химіи въ XIX вѣкѣ.“

Около середины 90-хъ годовъ возникаютъ въ Москвѣ Пречистенскіе курсы для рабочихъ, и химическая лабораторія Московскаго Университета вмѣстѣ съ Мих. Ив., какъ одинъ человекъ, является туда и организуетъ тамъ дѣло преподаванія химіи.

Сколько труда и горячаго увлеченія идеей широкой демократизаціи науки вложилъ нашъ покойный М. И., — передать трудно. На лекціи М. И. собиралась огромная толпа слушателей, и рабочихъ, и не рабочихъ; здѣсь перебивалась чуть ли не вся интеллигенція Москвы. Трудно еще учесть теперь значеніе этой работы. Скажемъ только, что Пречистенскіе курсы для рабочихъ едва ли не первые въ Россіи воплотили въ дѣло идею свободного народнаго Университета, а лабораторная компанія и въ ней Мих. Ив. — была первой университетской коллегіей, отдавшей свой трудъ и свои научно-педагогическія дарованія на широкую популяризацію науки“.

Такъ развивалась кресцендо общественно-просвѣтительная дѣятельность М. И. Коновалова, являясь для него единственной формой отдыха, и казалось ничуть не мѣшая его научному творчеству. Но, несмотря на докторскую степень и ученую славу, М. И. продолжалъ оставаться лаборантомъ и приватъ-доцентомъ. Одно время министерство назначило ему вознагражденіе въ 1.200 р. за обязательный курсъ въ Университетѣ, но вскорѣ прекратило. Нѣкоторые московскіе фабриканты не разъ приглашали М. И. на службу, но онъ рѣшительно отказывался. Объ этомъ упоминаетъ и кн. С. Д. Урусовъ: „мнѣ извѣстны случаи, когда Коновалову предлагали на очень выгодныхъ условіяхъ взять на себя руководство фабричнымъ дѣломъ по части окраски тканей; онъ всегда отклонялъ такія предложенія, такъ какъ любилъ науку больше всего и, кромѣ того, не придавалъ значенія деньгамъ, довольствуясь удовлетвореніемъ своихъ скромныхъ потребностей и не ища богатства“.

Цѣлыхъ 12 лѣтъ пробылъ М. И. лаборантомъ въ родномъ Университетѣ, наконецъ, въ 1896 году, получилъ кафедру неорганической и аналитической химіи въ Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ, освободившуюся послѣ смерти проф. Э. Б. Шене.

Три года, проведенные здѣсь, являются самыми покойными и, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, наиболѣе счастливыми годами жизни М. И. У него явилась, наконецъ, возможность работать въ просторномъ, удобномъ помѣщеніи, безъ постоянной помѣхи со стороны безчисленныхъ учениковъ. Рядомъ прекрас-

нѣйшая химическая библиотѣка. М. И. самымъ широкимъ образомъ использовалъ то и другое, и работалъ днемъ и ночью, благо лабораторія была въ непосредственномъ сообщеніи съ квартирой.

Явившись въ Институтъ вполнѣ сформированнымъ ученымъ, М. И. поставилъ дѣло преподаванія на замѣчательную высоту. Чрезвычайно интересенъ былъ его курсъ неорганической химіи, весьма подробный и въ то же время легко усвояемый, благодаря необыкновенной ясности и послѣдовательности изложенія. Слушатели М. И. не запутывались въ мелочахъ, которыхъ такое множество въ химической наукѣ: въ его системѣ эти мелочи даже помогали усвоенію предмета въ цѣломъ. Педагогическій даръ М. И. сказался здѣсь въ полной мѣрѣ. Курсъ его былъ въ одно и то же время строго наученъ и элементаренъ, весьма обширенъ и очень легокъ. Успѣху лекцій много помогала и чисто-ярославская скороговорка М. И. Слушатели сразу привыкали къ ней, а при своей быстрой рѣчи М. И. могъ вводить въ лекцію подробное разъясненіе самыхъ элементарныхъ понятій, что при болѣе медленномъ изложеніи утомило-бы болѣе развитыхъ и способныхъ слушателей, нетерпѣливо ждущихъ дальнѣйшаго развитія основной мысли лектора. Скороговорка позволяла М. И. примирить интересы тѣхъ и другихъ и сдѣлать курсъ доступнымъ самымъ слабымъ слушателямъ и весьма интереснымъ для наиболѣе развитыхъ и способныхъ. Какъ истинный педагогъ и послѣдовательный демократъ, онъ чрезвычайно заботился объ этомъ. Но главный секретъ успѣха, разумѣется, заключался въ томъ, что М. И. умѣлъ облечь въ оригинальную форму и сдѣлать поучительными самую элементарныя разъясненія. Лекціи М. И. отличались строго дѣловымъ характеромъ и совершеннымъ отсутствіемъ хотя бы единого краснаго слова, остротъ, пафоса. И тѣмъ болѣе ясно чувствовалось, какъ онъ овладѣвалъ аудиторіей, какъ она переживала его мысли, и какъ дружно шла она за своимъ профессоромъ, въ глубь науки.

Весьма возможно, что на случайнаго посѣтителя лекціи Михаила Ивановича производили менѣе сильное впечатлѣніе, но студенты сознавали и живо чувствовали достоинство ихъ, и аудиторія его была всегда полна. Надъ своимъ курсомъ М. И.

много работалъ, ежегодно дѣлалъ къ нему значительныя добавленія и все откладывалъ печатаніе его. Лекціи Мих. Ив. сопровождались огромнымъ количествомъ опытовъ, изъ которыхъ очень многіе были придуманы и поставлены имъ впервые. Много было работы его лекціонному ассистенту, но М. И. и здѣсь раздѣлялъ ее потоварищески и часто бралъ на себя труднѣйшую часть.

Въ дополненіе къ лекціямъ, М. И. организовалъ самостоятельныя занятія начинающихъ студентовъ по тому типу, который упоминался уже при описаніи его дѣятельности на Коллективныхъ урокахъ.

Въ рукахъ М. И. эти занятія давали въ высшей степени плодотворные результаты. На первомъ-же курсѣ студенты пріобрѣтали реальное знакомство не только съ важнѣйшими химическими реакціями, но практически усваивали методы установки главнѣйшихъ химическихъ законовъ и вывода формулъ, словомъ пріобрѣтали тѣ познанія и понятія, которыя съ такимъ трудомъ даются третьекурснымъ студентамъ-химикамъ, начинающимъ специализироваться. Нечего и говорить, что подобныя занятія чрезвычайно облегчали студентамъ дальнѣйшее прохожденіе курса, и что ученикамъ М. И. ничего не приходилось зазубривать безъ отчетливаго пониманія.

Но эти занятія имѣли и другое значеніе. Ведя ихъ лично, М. И. близко знакомился съ каждымъ изъ своихъ слушателей, да и самъ студентъ могъ вполне оцѣнить свои знанія и безъ нихъ не шелъ на экзамень. Этимъ путемъ устранялась всякая возможность экзаменныхъ недоразумѣній, и М. И. освобождался отъ совершенно несвойственной ему, при его добромъ сердцѣ, роли карающаго судьи-экзаменатора. Наоборотъ, ему оставалось только радоваться, слушая отвѣты студентовъ, и экзамены не утомляли его никогда.

Но веденіе подобныхъ занятій было неимоვნю трудно. Достаточно вообразить, какую картину представляла собою рабочая комната, наполненная 40—50 начинающими молодыми людьми, берущимися сразу за мудреные опыты, чтобы понять всю трудность положенія руководителя. Однако, М. И. велъ эти работы одинъ, затрачивая почти сверхчеловѣческія силы, и все же деликатно отклоняя помощь старыхъ опытныхъ лаборантовъ.

И онъ оказывался правъ, вѣдь задача этихъ работъ заключалась не въ томъ, чтобы студентъ сразу сдѣлалъ опытъ чисто и аккуратно и съ наименьшей тратой матеріала, — нужно было, чтобы онъ добился результата самостоятельно, хотя бы дѣлая на пути самыя наивныя ошибки, — въ другой разъ онъ уже не повторятся. Цѣль, поставленная М. И., достигалась блестяще, и его ученикъ, даже посредственный, всегда выгодно отличался своими знаніями и пониманіемъ. Раза два въ недѣлю отправлялся М. И. въ городъ — на Коллективные уроки, въ Университетъ, на курсы для рабочихъ или на засѣданія того или другого кружка или общества. Словомъ, ничего не измѣнилъ М. И. въ характерѣ и направленіи своей дѣтельности. Отмѣтимъ для полноты большое увлеченіе, съ какимъ работалъ М. И. въ саду и огородѣ, заведенныхъ имъ около своей квартиры. Бывали дни, когда онъ часами трудился здѣсь.

Но и въ лабораторіи въ то-же время шла какая-нибудь работа, и М. И. не разъ бросалъ заступъ и спѣшилъ туда, чтобы провѣрить дѣйствіе своихъ приборовъ.

Замѣчательно, что, являясь человѣкомъ не отъ міра сего, живя интересами совершенно отвлеченными отъ житейской обыденности, М. И. отлично ориентировался во всѣхъ вопросахъ жизненной практики, разъ это становилось нужно. Такъ, напр., онъ быстро и блестяще рѣшилъ задачу постройки газоваго завода, отсутствіемъ котораго страдала лабораторія свыше тридцати лѣтъ. Заводъ вышелъ на славу и обошелся дешево.

Едва ли было хоть одно лицо въ Сельско-хозяйственномъ Институтѣ, которое относилось-бы къ М. И. безъ искренней любви, не говоря уже объ уваженіи. Студенты положительно благоговѣли передъ нимъ. Тѣмъ больше было всеобщее огорченіе при полученіи извѣстія о приглашеніи М. И. Совѣтомъ Кіевскаго Политехническаго Института. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ понимали, что лучшаго выбора не могло быть сдѣлано, и что М. И. долженъ ѣхать. Общественное мнѣніе сыграло извѣстную роль въ рѣшеніи М. И. Не станемъ описывать горячихъ проводовъ, устроенныхъ М. И. съ чисто московской сердечностью. Въ нихъ приняли участіе и всѣ безъ исключенія химики, и старые ученики М. И., и весь Сельско-хозяйственный Институтъ.

Въ сентябрѣ 1899 года М. И. отправился въ Кіевъ профессоромъ химіи, въ качествѣ перваго избранника только что сьорганизованнаго Совѣта Политехническаго Института. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ и деканомъ химическаго отдѣленія, срокомъ на два года, впредь до окончательной организациі Совѣта. Въ Кіевъ М. И. явился ко второму году жизни Политехникума, когда многое было уже предрѣшено.

Химическій корпусъ былъ законченъ постройкою, и весь Институтъ временно помѣщался въ немъ. Наполовину возведено было и главное зданіе.

М. И. взялъ на себя чтеніе курса неорганической химіи и веденіе органической лабораторіи, количественный анализъ и практическія занятія по общей химіи для первокурсниковъ. При масштабѣ Политехникума, этотъ трудъ являлся въ четыре слишкомъ раза грандіознѣе того, что было въ Московскомъ Сельско-хозяйственномъ Институтѣ. Неполная законченность оборудованія, новый и непривыкшій къ новой обстановкѣ персоналъ сотрудниковъ существенно увеличивали трудность работы. Затѣмъ исполненіе деканскихъ обязанностей, участіе во всѣхъ проявленіяхъ жизни Института— все это требовало безконечнаго количества труда. Какъ и слѣдовало ожидать, М. И. вездѣ оказался на высотѣ положенія. Исторія Кіевскаго Политехникума выяснитъ огромныя заслуги М. И. Въ Кіевѣ Мих. Ив. остался совершенно тѣмъ же, какимъ былъ въ Москвѣ. По прежнему, до поздняго вечера засиживался онъ въ лабораторіи за своими и студенческими работами или за подготовкой къ лекціоннымъ опытамъ. Никогда не покидалъ онъ, казалось, лабораторіи, хотя и долженъ былъ отлучаться для участія въ многочисленныхъ засѣданіяхъ Совѣта, отдѣленій, комиссій, изъ которыхъ онъ едва-ли пропустилъ хоть одно. Какъ-бы ни затянулось засѣданіе, М. И. стремительно спѣшилъ назадъ въ лабораторію, гдѣ всегда были ученики, которымъ онъ былъ нуженъ.

Въ горячей организаціонной работѣ совершенно незамѣтно прошли первые 2 года. Въ 1901 г. М. И. былъ вновь утвержденъ деканомъ химическаго отдѣленія, на сей разъ уже по избранію Совѣта, получившаго это право. Съ этого же года М. И.

постепенно втягивается въ цѣлый рядъ кievскихъ просвѣтительныхъ учрежденій, изъ которыхъ мы упомянемъ далеко не всѣ.

Онъ принялъ энергичное участіе въ организаціи кievскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ и былъ первымъ директоромъ ихъ. Впослѣдствіи организовались женскіе курсы А. В. Жекулиной, и здѣсь потребовался трудъ М. И., и онъ оказался первымъ директоромъ. При первой возможности М. И. сложилъ съ себя директорства въ этихъ учрежденіяхъ, но продолжалъ работать въ качествѣ профессора.

Въ половинѣ 1902 г. М. И. пришлось принять должность директора Политехническаго Института. Исторія покажетъ въ свое время, что это былъ самоотверженный поступокъ со стороны М. И., принесшій большую пользу Политехническому Институту. М. И. удалось уладить рядъ затрудненій, поддержать мирнымъ путемъ достаточное спокойствіе, сдѣлать нѣсколько первыхъ выпусковъ, провести въ Совѣтъ рядъ справедливыхъ мѣръ, какъ, напр., увеличеніе содержанія младшихъ лаборантовъ.

Директорство стоило М. И. колоссальнаго труда и нервнаго напряженія. Еще до истеченія перваго учебнаго года, М. И. подалъ въ отставку, нѣсколько разъ посылая напоминанія, но ему пришлось ждать почти цѣлый годъ. Пишущій эти строки за всѣ двадцать лѣтъ знакомства не видалъ Мих. Ив. такимъ счастливымъ, какъ въ первыя недѣли послѣ освобожденія его отъ директорскихъ обязанностей. М. И. тотчасъ-же отправился въ экскурсію по южно-русскимъ рудникамъ и металлургическимъ заводамъ, куда раньше онъ никакъ не могъ выбратъся. Интересно было видѣть, какъ легко ориентировался онъ въ совершенно новой для него обстановкѣ.

М. И. поразительно быстро схватывалъ расположеніе пластовъ ископаемаго и планъ ихъ выработки, и конструкціи заводскихъ машинъ и печей. Но особенно поражало всѣхъ его безстрашіе. М. И. чувствовалъ себя такъ, словно онъ давно уже привыкъ ко всѣмъ ужасамъ и чудесамъ шахтъ и заводовъ.

Освободившись отъ обязанностей директора, М. И. съ новой энергіей принялся за собственныя научныя изслѣдованія, единственно за счетъ которыхъ онъ находилъ время для директор-

ства — у студентовъ же онъ не отнялъ на это ни одного часа. И до директорства, и во время его, и послѣ изъ лабораторіи М. И. выходило приблизительно столько-же студенческихъ работъ, какъ изъ другихъ лабораторій химическаго корпуса Института, вмѣстѣ взятыхъ, хотя онѣ стояли на высокомъ уровнѣ научной дѣятельности. Но не оставлялъ М. И. и общественной дѣятельности.

Больше всего потрудился онъ для Кіевскаго Общества Содѣйствія Начальному Образованію и его Народной Аудиторіи. Его работа здѣсь найдетъ спеціальнаго историка.

Укажемъ только, что по инициативѣ Мих. Ив. Общество открыло свою Аудиторію для систематическихъ научныхъ лекцій, и стало на путь народныхъ университетовъ. М. И. привлекъ широкой кругъ лекторовъ и самъ читалъ рядъ лекцій. Но кромѣ того, онъ здѣсь же читалъ лекціи для дѣтей, организовывалъ дѣтскія экскурсіи и велъ массу такъ называемой черной работы. Словомъ, онъ былъ и первымъ работникомъ, и дѣйствительно душою всего Общества.

Съ развитіемъ освободительнаго движенія М. И. принялъ въ немъ участіе, примкнулъ къ академическому союзу, оказывалъ содѣйствіе другимъ союзамъ, а послѣ манифеста 17 октября вошелъ въ составъ конституціонно-демократической партіи и былъ членомъ ея областного комитета. Во время выборовъ въ первую Государственную Думу М. И. былъ выставленъ кандидатомъ партіи к.-д. въ выборщики и получилъ такъ много голосовъ, сравнительно со своими товарищами по списку, что явился дѣйствительно народнымъ избранникомъ.

Какъ ученый, М. И. былъ не только выдающимся химикомъ — экспериментаторомъ въ тѣхъ по необходимости ограниченныхъ областяхъ, гдѣ онъ работалъ. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми отдѣлами неорганической и органической, а также физической химіи. Послѣднее было для него тѣмъ легче, что онъ недурно владелъ высшей математикой и хорошо изучилъ физику.

Благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, М. И. вынесъ изъ университета серьезныя познанія и по естествознанію вообще, никогда не упускалъ случая ихъ расширить и былъ

глубоко образованнымъ естествоиспытателемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ солиднымъ философскимъ образованіемъ.

М. И. признавалъ безпредѣльность человѣческаго генія и не повторилъ-бы дюбуареймоновскаго „ignorabimus“ (мы никогда не будемъ знать). Но „ignoramus“ (мы не знаемъ) онъ говорилъ охотно. Даже тогда, когда казалось, что данная проблема рѣшена окончательно, М. И. все еще находилъ возраженія. Удивительно легко подмѣчалъ онъ слабыя мѣста въ общепризнанныхъ теоріяхъ и, казалось, готовъ былъ подвергнуть сомнѣнію самыя „незыблемые“ законы науки. Но М. И. не былъ скептикомъ. Напротивъ, его дѣйствительно непоколебимая вѣра въ науку исключала скептицизмъ такъ же, какъ и фанатизмъ. Лѣтъ 15 назадъ, прочитавъ первое сообщеніе о работахъ проф. Ландольта, подвергшихъ сомнѣнію законъ вѣчности вещества, пишущій эти строки, въ большомъ волненіи, поспѣшилъ къ М. И. за разъясненіями. Но М. И. оказался, какъ ни въ чемъ не бывало. „Вѣроятно, есть какой-нибудь недосмотръ въ опытахъ“, спокойно сказалъ онъ. „Да и что-же ужаснаго, если-бы законъ сохраненія вещества дѣйствительно не оправдался,—мы сказали бы, что есть реакціи, когда частицы эфира включаются въ систему реагирующихъ тѣлъ, и другія, когда онѣ освобождаются. Тогда удалось-бы сдѣлать новый шагъ къ познанію эфира“.

„Не мы должны учить природу, а у нея учиться“.

Невольно приходится вспомнить другой случай, болѣе ранній, когда-то-же лицо обратилось къ М. И. съ замѣчаніемъ, что онъ своимъ методомъ нитрованія разрушаетъ грань между ароматическимъ и жирнымъ рядами органическихъ соединеній, и получило въ отвѣтъ вопросъ, — „зачѣмъ-же подобныя грани нужны, не лучше-ли будетъ, когда наука превратится въ одно цѣлое?“.

М. И. вѣрилъ въ науку и былъ убѣжденъ, что чѣмъ больше будетъ на землѣ правды — истины, тѣмъ больше станетъ и правды — справедливости.

Ничто человѣческое, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не было чуждо М. И. Коновалову.

Онъ страстно любилъ русскую литературу и послѣ безконечнаго рабочаго дня и длиннаго рабочаго вечера, сплошь и

рядомъ, проводилъ чуть не всю ночь за чтеніемъ новой книжки журнала.

Въ частной жизни Мих. Ив. отличался необыкновенной добротой и снисходительностью. Онъ никогда не забывалъ сдѣлать доброе дѣло и не только потому, что обладалъ феноменальной памятью, нѣтъ, --- чужая боль слишкомъ больно отзывалась въ его душѣ.

Къ М. И. всегда смѣло можно было идти со всякою нуждою, начиная отъ нравственной поддержки и до пріисканія мѣста и денежной помощи, включительно.

Но деликатный, уступчивый и мягкій, онъ всегда умѣлъ твердо стоять за добро. Способный лишь къ борьбѣ, а не къ бою, онъ, конечно, не воевалъ, а убѣждалъ, дѣйствовалъ, какъ опытный педагогъ, хотя-бы въ роли учениковъ явились сѣдые люди, и достигалъ успѣха.

М. И. Коноваловъ былъ не только сѣятель знанія на ниву народную, съ отборнѣйшими сѣменами, — онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣльной натурой, въ немъ гармонично соединялись лучшія духовныя и физическія дарованія человѣка. Судьба словно нарочно привела его въ область химіи, болѣе всѣхъ другихъ наукъ его эпохи посвятившей себя синтезу, а М. И. перенесъ методъ синтеза дальше, въ область морали и философіи. Если-бы онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ еще, то его оригинальныя идеи вылились-бы въ строго научную систему. Но этому не суждено было осуществиться.

12 ноября 1906 г., въ 12-мъ часу дня, М. И. пошелъ осматривать незадолго передъ тѣмъ отстроенную и пущенную имъ въ дѣйствіе станцію біологической очистки водъ, расположенную въ паркѣ Политехническаго Института, и на совершенно ровномъ мѣстѣ попалъ одной ногой въ незакрытый люкъ колодца и притомъ столь несчастливо, что сильно разбилъ промежность. Послѣ ушиба Мих. Ив. имѣлъ терпѣніе продолжать нѣкоторое время осмотръ и безъ посторонней помощи вернуться домой. Но здѣсь онъ долженъ былъ тотчасъ лечь въ постель, съ которой уже не всталъ. Вызванный врачъ-хирургъ осмотрѣлъ поврежденіе, назначилъ ледъ и обѣщалъ на завтра операцію.

Несомнѣнно, что М. И. испытывалъ жесточайшую боль, но объ этомъ можно было лишь догадываться — такъ спокойно бесѣдовалъ онъ съ многочисленными друзьями, поспѣшившими его навѣстить.

Однако, всю ночь онъ не могъ сомкнуть глазъ. И всетаки утромъ былъ бодръ, оживленно бесѣдовалъ съ врачами, прїѣхавшими дѣлать операцію.

Первые три дня послѣ операціи все шло отлично и обѣщало самое скорое выздоровленіе; эта увѣренность подкрѣплялась прекраснѣйшимъ самочувствіемъ М. И. и безукоризненнымъ состояніемъ его организма: легкія, сердце, нервная система, печень, почки—все было у него въ отличномъ состояніи. Но 17-го ноября явилось повышеніе температуры.

Мы будемъ кратки и не войдемъ въ подробности страданій М. И. и ряда хирургическихъ операцій, который ему пришлось перенести. Не станемъ также искать ближайшей причины столь несчастнаго теченія болѣзни. Главная заключалась въ томъ, что Мих. Ив. всегда такъ мало давалъ себѣ отдыха и такъ широко расходовалъ свои силы, что не оставилъ своему организму никакого запаса на черный день. Если-бы онъ хоть сколько-нибудь жилъ интересами тѣла, то легко побѣдилъ-бы болѣзнь. Но остался-ли бы онъ тогда тѣмъ-же идеальнымъ Михаиломъ Ивановичемъ — подвижникомъ труда, какимъ мы его знаемъ? Уже съ середины своей тяжелой болѣзни М. И. отлично видѣлъ быстро приближавшуюся трагическую развязку, но относился къ ней съ философскимъ спокойствіемъ и мужествомъ. Больше всего заботился онъ о томъ, чтобы не тревожить окружающихъ, ухаживавшихъ за нимъ, и о томъ, какъ отблагодарить ихъ.

Профессора медицинскаго факультета университета Св. Владиміра много разъ навѣщали М. И. и устроили рядъ многочисленныхъ консилиумовъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ свѣтила кїевского медицинскаго міра. Коллегія Политехническаго Института неоднократно выражала М. И. свое участіе. Съ необыкновенною горячностью проявляли свои симпатіи студенты—ученики и ученицы Мих. Ив., толпами стекавшіеся за справками о его здоровьѣ, хотя всѣ кїевскія газеты регулярно печатали бюллетени. Едва-ли не одинъ Михаилъ Ивановичъ сохра-

нилъ въ эти дни полное душевное равновѣсіе. Еще наканунѣ смерти онъ продиктовалъ мнѣ письмо къ одному редактору и подписалъ корректуру. Болѣзнь продолжалась ровно мѣсяць. Послѣдніе 12 часовъ жизни М. И. быстро угасалъ, не приходя въ сознаніе, и въ 6 ч. 45 м. вечера 12 декабря уснулъ навсегда.

Оставимъ безъ перечисленія сочувственныя телеграммы, въ огромномъ количествѣ присланныя со всѣхъ концовъ Россіи на имя Политехникума и семьи Михаила Ивановича.

Не станемъ считать и многихъ десятковъ вѣнковъ отъ ученыхъ и общественныхъ учреждений, отъ группъ, кружковъ и отдѣльныхъ лицъ. Скажемъ только, что у гроба Мих. Ив., какъ братья, сошлись люди самыхъ противоположныхъ лагерей, забывъ на время свою, казалось, непримиримую вражду. Ниразу еще на усадьбѣ Политехническаго Института не собиралось такое множество людей всѣхъ состояній, какъ въ день похоронъ Михаила Ивановича. И всѣ одинаково оплакивали его, потому что—человѣкъ онъ былъ и объединялъ всѣхъ въ ихъ лучшихъ стремленіяхъ. Это выразилось и въ рѣчахъ, сказанныхъ на его могилѣ: онѣ дополняли другъ друга и какъ бы говорили, что для синтеза, о которомъ мечталъ Мих. Ив. и ради котораго жилъ, откроется твердая почва. Похороненъ М. И. Коноваловъ почти на самой границѣ усадьбы Политехническаго Института, на приходскомъ кладбищѣ, въ близкомъ разстояніи отъ студенческой столовой Института.

Химическіе препараты, оставленные М. И. Коноваловымъ въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ образцовъ, собраны вмѣстѣ и образуютъ специальную коллекцію, которая, по постановленію Совѣта, хранится въ Химической Лабораторіи Института и будетъ доступна изслѣдователямъ, нуждающимся въ этихъ препаратахъ для сравненія и опредѣленія константъ.

Библиотека М. И. Коновалова, состоящая изъ 67 журналовъ и около тысячи книгъ, брошюръ и оттисковъ, преимущественно по химіи и сродственнымъ ей наукамъ, принесена въ даръ Кіевскому Политехническому Институту. Желательно, чтобы друзья и почитатели М. И. продолжали обогащать эту бібліотеку оттисками своихъ трудовъ.

Совѣтъ Кіевскаго Политехническаго Института постановилъ открыть подписку для увѣковѣченія памяти М. И. Коновалова. Правленіе студенческой библіотеки учредило отдѣлъ его имени.

Кіевское Общество Содѣйствія Начальному Образованію успѣшно начало собирать капиталъ стипендіи М. И. Коновалова, которая дала бы возможность талантливому ученику народной школы пройти среднее и высшее образованіе. Московскія общества и кружки, въ работѣ которыхъ Михаилъ Ивановичъ принималъ столь выдающееся участіе, заняты аналогичными проектами, въ ихъ средѣ существуетъ также мысль и о томъ, чтобы объединяться съ Кіевскими учрежденіями. Въ Москвѣ уже имѣло мѣсто торжественное чествованіе памяти Михаила Ивановича Коновалова, и рѣчи, произнесенныя тамъ, явились цѣннымъ матеріаломъ для настоящей статьи. Но она не можетъ быть названа даже конспектомъ, такъ какъ здѣсь остались совсѣмъ неупомянутыми нѣкоторыя учрежденія, въ которыхъ Мих. Ив. положилъ не мало труда, пропущены также многіе характерные факты. Лишь подробная біографія выяснитъ всю красоту нравственнаго образа М. И. Коновалова и силу его творчества.

Проф. *В. П. Изжескій.*

О дѣятельности М. И. Коновалова на женскихъ курсахъ
при гимназіи А. В. Жекулиной.

Совѣтъ Курсовъ поручилъ мнѣ выразить глубокую благодарность памяти М. И. Коновалова, перваго директора Курсовъ, на долю котораго выпали самые трудные первые два года (1905 и 1906 г.г.)—періодъ организаци и первыхъ шаговъ этого учрежденія.

Своимъ заявленіемъ Совѣтъ одновременно считаетъ возможнымъ почтить память покойнаго, какъ извѣстнаго поборника идеи высшаго женскаго образованія, смотрѣвшаго на дѣло несомнѣнно гораздо гуманнѣе и шире, чѣмъ то позволяютъ наши современныя обстоятельства.

Проф. С. Г. Навашинъ.

Памяти покойнаго М. И. Коновалова отъ Кіевскаго
Общества Естествоиспытателей.

Общество Естествоиспытателей при Университетѣ Святого Владиміра, узнавши во вчерашнемъ своемъ засѣданіи о томъ, что сегодня, 9-го Декабря Политехнической Институтъ устраиваетъ торжественное засѣданіе въ память покойнаго проф. М. И. Коновалова, поручило мнѣ высказать Политехническому Институту свое глубочайшее сожалѣніе о томъ, что онъ, а равно и г. Кіевъ понесли столь тяжелую утрату въ лицѣ такого выдающагося ученаго и общественнаго дѣятеля, какимъ являлся покойный.

Общество Естествоиспытателей было лишено возможности проявить свое участие въ сегодняшнемъ засѣданіи какимъ-либо инымъ способомъ, по многимъ причинамъ. Поэтому будетъ нелишнимъ заявить, что Общество Естествоиспытателей постановило въ предстоящемъ годичномъ засѣданіи 27-го Января почтить память М. И. Коновалова, бывшаго своего вице-предсѣдателя рѣчью, которую произнесетъ въ этомъ засѣданіи проф. И. В. Егоровъ.

Проф. *Н. И. Андрусовъ.*

М. И. Коноваловъ,

какъ предсѣдатель Кіевскаго Общества содѣйствія
начальному образованію.

Милостивые Государы и

Милостивыя Государыни!

Вы слышали здѣсь біографію М. И. Коновалова и очерки его дѣятельности—научной и научно-педагогической. Но характеристика личности М. И. была бы не полна, если бы мы не коснулись еще одной стороны его жизни, имѣвшей очень большое значеніе: мы говоримъ о его общественно-просвѣтительной дѣятельности. Въ г. Кіевѣ онъ являлся такихъ дѣятелемъ въ качествѣ предсѣдателя Общества содѣйствія начальному образованію, которому онъ отдавалъ много силъ своего ума, своей души.

Правленіе Кіевскаго Общества содѣйствія начальному образованію возложило на меня трудную обязанность охарактеризовать передъ Вами дѣятельность Михаила Ивановича, какъ предсѣдателя нашего Общества.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ среди кіевскихъ педагоговъ возникъ кружокъ, поставившій своей задачей устройство народныхъ чтеній въ г. Кіевѣ. Этотъ кружокъ, вначалѣ очень немногочисленный, принялъ названіе Кіевской Комиссіи народныхъ чтеній

и избралъ предсѣдателя, который выхлопоталъ себѣ право вести чтенія подъ личной своей отвѣтственностью.

Возникшая на почвѣ общественной инициативы, Комиссія народныхъ чтеній развивалась тѣмъ же путемъ и, не существуя, какъ юридическое лицо, фактически въ теченіе многихъ лѣтъ вела чтенія для народа въ разныхъ пунктахъ г. Кіева и построила первую въ Кіевѣ Народную Аудиторію. Почти со дня своего возникновенія Комиссія народныхъ чтеній начала хлопоты о разрѣшеніи ей устава; на 20-мъ году ея существованія былъ разрѣшенъ уставъ, на основаніи котораго она была преобразована въ Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію.

Въ октябрѣ 1899 г. М. И. Коноваловъ вступилъ въ члены Кіевской Комиссіи народныхъ чтеній. Это время было очень оживленнымъ въ исторіи Комиссіи. Послѣ многихъ перенесенныхъ злключеній, послѣ тяжелой и долгой борьбы за право существованія, она начинала чувствовать подъ собою твердую почву. Въ созданной ею на средства, собранныя путемъ исключительно частныхъ пожертвованій, Народной Аудиторіи правильно велись народныя чтенія, которыя повторялись и въ Контрактовомъ домѣ, предоставленномъ городомъ въ пользованіе Комиссіи. Кіевскій комитетъ попечительства о народной трезвости ассигновалъ Комиссіи субсидію съ тѣмъ, чтобы она взяла на себя устройство народныхъ чтеній въ чайныхъ г. Кіева. Такія же чтенія Комиссія вела въ мѣстахъ заключенія. Хлопоты объ уставѣ приходили къ концу: впереди мерцала надежда, что ко дню 20-лѣтняго юбилея этихъ хлопотъ уставъ будетъ полученъ.

Для расширяющейся дѣятельности Комиссіи нуженъ былъ притокъ новыхъ, свѣжихъ силъ, и число дѣятельныхъ членовъ Комиссіи увеличивалось. Однимъ изъ нихъ былъ Михаила Ивановича Коноваловъ. Вначалѣ дѣятельность его не обращала на себя особаго вниманія, и только въ естественно-исторической секціи, членомъ которой сталъ сразу почувствовалась живительная струя инициативы. Долгое время работа обѣихъ существовавшихъ при Комиссіи секцій—историко-литературной и естественно-исторической—ограничивалась почти исключительно пересмотромъ и приспособленіемъ къ народнымъ чтеніямъ

предназначенныхъ для этой цѣли и разрѣшенныхъ (Министерствомъ Н. Пр.) брошюръ. Но по мѣрѣ того, какъ дѣятельность Комиссіи народныхъ чтеній разрослась, въ секціяхъ стала назрѣвать мысль о томъ, что народныя чтенія въ ихъ существующемъ видѣ не вполне удовлетворяютъ потребностямъ слушателей. Среди публики, наполнявшей Народную Аудиторию на воскресныхъ чтеніяхъ и имѣвшей, въ общемъ, измѣнчивый составъ, постепенно, однако, образовывалось ядро постоянныхъ слушателей, съ живымъ интересомъ слѣдившихъ за чтеніемъ и предъявлявшихъ запросы о большей систематизаціи дѣла. Это заставило обѣ секціи сначала по возможности систематизировать свои воскресныя чтенія, а затѣмъ явилась мысль о необходимости устраивать въ Народной Аудиторіи, кромѣ чтеній, популярныя научныя бесѣды — лекціи для народа.

Однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ этого новаго дѣла явился Михаилъ Ивановичъ.

Въ концѣ 1901 г. Комиссія народныхъ чтеній получила, наконецъ, уставъ и была преобразована въ Общество содѣйствія начальному образованію. Съ новой энергіей принялось Общество прежде всего за дѣло своего внутренняго строительства. Обѣ секціи Общества и другія возникшія при немъ комиссіи получили болѣе опредѣленную организацію и стали разрабатывать планы болѣе широкой дѣятельности. Въ маѣ 1902 г. Михаила Ивановичъ былъ избранъ предсѣдателемъ естественно-исторической секціи и несъ на себѣ эти обязанности до конца своей жизни, совмѣщая ихъ впослѣдствіи съ обязанностями предсѣдателя Общества.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что съ этого времени начинается періодъ самой энергичной и плодотворной работы секціи и что, не будь этой работы, Обществу не пришлось бы осуществить своей завѣтной мечты — организовать лекціи для народа въ Народной Аудиторіи. Энергичная дѣятельность Михаила Ивановича въ секціи, его сильная личность обратили на себя вниманіе Общества, и 20-го октября 1902 г. онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Общества содѣйствія начальному образованію вмѣсто выбывшаго въ Одессу К. М. Сапѣжко.

Въ декабрьскомъ общемъ собраніи того же года, первомъ подъ предсѣдательствомъ М. И., доложенъ былъ выработанный секціями планъ (общедоступныхъ) лекцій для народа по химіи, біологіи, геологіи, по русской исторіи и русской литературѣ.

Со времени избранія М. И. Коновалова предсѣдателемъ жизнь Общества содѣйствія начальному образованію завила живымъ ключемъ. Характеризовать дѣятельность М. И. и необыкновенно трудно, и очень легко. Онъ сталъ душою Общества содѣйствія начальному образованію— вотъ самая полная и самая краткая характеристка. Она становится очень трудной, если мы захотимъ перечислять все, что дѣлалъ М. И., такъ какъ буквально не было ни одной стороны въ жизни Общества, на которой прямо или косвенно не сказалось бы его участіе или вліяніе.

За четыре съ лишнимъ года своего предсѣдательства онъ почти не пропускалъ засѣданій Правленія, происходившихъ еженедѣльно съ конца августа или начала сентября до конца мая или начала юня. Кто имѣлъ счастье работать здѣсь съ Михаиломъ Ивановичемъ, тотъ никогда не забудетъ этихъ засѣданій. Вначалѣ, когда Михаилу Ивановичу приходилось совмѣщать обязанности предсѣдателя съ отвѣтственной и полной тревогъ должностію директора Политехническаго Института, бывали дни, когда онъ приходилъ въ засѣданія усталый, измученный. На лицѣ его отражалось какое-то душевное страданіе, которое онъ, видимо, старался побороть. Привычно-послушная воля помогала ему владѣть собой,—съ обычной дѣловитостію онъ принимался за работу и нерѣдко просиживалъ до поздняго часа въ Народной Аудиторіи. Къ счастью, такіе трудные дни у Михаила Ивановича бывали не часто, — въ послѣдніе годы его жизни мы не видали его удрученнымъ. Обыкновенно онъ являлся въ Аудиторію, послѣ утомительнаго дня, бодрый, оживленный. Съ дѣловой точностію человѣка, не привыкшаго праздно тратить не только часовъ, но и минутъ, онъ приступалъ къ разсмотрѣнію скопившихся за недѣлю всевозможныхъ дѣлъ и умѣлой рукой направлялъ ихъ къ рѣшенію, всегда строго согласованному съ идейными интересами Общества и завѣтами его лучшихъ дѣятелей. Съ первыхъ же дней своего предсѣдательства М. И. заинтересо-

вался прошлой жизнью Общества, счелъ долгомъ изучить его исторію и быстро ориентировался. Онъ хорошо зналъ и пройденный, и намѣченный Обществомъ путь и шелъ со своими сотрудниками, не сбиваясь съ дороги.

Михаилъ Ивановичъ былъ человѣкомъ не слова, а дѣла. Хорошо владѣя рѣчью, онъ не любилъ многословія, былъ кратокъ самъ и умѣлъ сводить рѣчи и доклады другихъ къ самой краткой и простой формулировкѣ. Это дѣлалось такъ тонко и умно, такъ деликатно, что часто авторъ доклада не чувствовалъ самъ той невидимой руки, которая вела за собой его мысль и рѣчь, и только мѣнявшееся выраженіе глазъ М. И., то слегка затуманивавшихся, то искрившихся обычнымъ добродушіемъ указывало нить этого интереснаго психологическаго процесса.

Относясь съ заботой и вниманіемъ ко всѣмъ отраслямъ дѣятельности Общества, М. И. съ особенной любовью отдавался всѣмъ тѣмъ начинаніямъ, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ народу. Организуя чтенія и лекціи для народа, принимая въ нихъ личное участіе въ качествѣ лектора, устраивая чтенія и образовательныя экскурсіи для дѣтей улицы и видя, какъ съ каждымъ годомъ растутъ запросы пробуждающагося народнаго сознанія, какъ ширится и усложняется просвѣтительная работа, — М. И. какъ-бы объединялъ двѣ свои великія привязанности — любовь къ наукѣ и любовь къ народу. Нельзя не отмѣтить здѣсь еще одной черты. Великороссъ по происхожденію, „пришлецъ межъ нами“, онъ съ удивительной чуткостью шелъ навстрѣчу интересамъ украинскаго народа, угадывая особенности его духовныхъ запросовъ. Онъ умѣлъ говорить съ народомъ простымъ и вполне понятнымъ языкомъ, въ которомъ не звучало ни одной фальшивой ноты. Его лекціи для народа по химіи, его научныя бесѣды съ дѣтьми возбуждали неизмѣнно живой интересъ, приковывали вниманіе и запечатлѣвались въ памяти. Дѣти предпочитали эти бесѣды беллетристическимъ чтеніямъ.

Къ той же сферѣ дѣятельности относятся и заботы М. И. по организациіи чтеній въ Шулявской чайной, гдѣ ему и женѣ его Любови Михайловнѣ, завѣдывавшей этими чтеніями, удалось поставить дѣло на широкихъ и прочныхъ началахъ.

Весеннія дѣтскія экскурсіи, устраиваемыя ежегодно Обществомъ, были для дѣтей настоящимъ праздникомъ. Въ этихъ экскурсіяхъ М. И. принималъ живое участіе. Онъ становился во главѣ отовсюду собравшихся „маленькихъ людей“ и отправлялся съ ними на цѣлый день въ Межигорье, Голосѣевъ и т. п. Участники экскурсій не могутъ забыть того трогательнаго впечатлѣнія, какое производилъ М. И., сидящій гдѣ-нибудь въ лѣсу на пнѣ, окруженный толпою крестьянскихъ дѣтей, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ особенной тихой и сдержанной нѣжностью, быть можетъ, угадывая во многихъ изъ нихъ свое далекое прошлое.

Многія начинанія Общества трудно было осуществить, терній на пути было еще слишкомъ много, и только Михаилу Ивановичу, личность котораго такъ обаятельно дѣйствовала на людей, удавалось достигать успѣха тамъ, гдѣ этого трудно было ожидать. И тутъ М. И. оставался вѣренъ себѣ: прямой, ясный и смѣлый, онъ не любилъ обходовъ. „Зачѣмъ? Я поѣду и объясню. Они поймутъ“. И *его* понимали. Какъ объ одномъ изъ характерныхъ фактовъ этого рода, можно упомянуть о томъ, что въ 1905—1906 гг., когда, казалось, вся просвѣтительная дѣятельность замерла подъ вліяніемъ октябрьскихъ и ноябрьскихъ событій, Михаилу Ивановичу удалось выхлопотать разрѣшеніе вести для народа чтенія общественнаго содержанія. Народная Аудиторія была единственнымъ общественнымъ учрежденіемъ въ г. Кіевѣ, гдѣ слушателямъ толковали манифестъ 17-го октября,—именно *толковали*, не квалифицируя его, а разъясняя содержащіяся въ немъ понятія. Въ Народной Аудиторіи прошелъ затѣмъ рядъ чтеній по специально разрѣшенной для этого книгѣ Дружинина „Избиратели и народные представители“, каждая глава которой служила предметомъ отдѣльнаго чтенія и иллюстрировалась смежнымъ вторымъ чтеніемъ изъ жизни европейскихъ народовъ.

Въ издательской комиссіи Общества М. И. принималъ участіе не только какъ предсѣдатель Общества и предсѣдатель естественно-исторической секціи, разсматривающей рукописи, намѣченныя къ изданію, но и какъ авторъ. Послѣднимъ произведеніемъ его, напечатаннымъ тогда, когда М. И. лежалъ уже

на смертномъ одрѣ, было его чтеніе „Какъ и отчего горить свѣча“, читанное имъ въ Народной Аудиторіи и изданное Обществомъ. Оно является однимъ изъ серіи чтеній М. И., предназначенныхъ къ печати.

Къ изысканію матеріальныхъ средствъ для расширенія дѣятельности Общества М. И. относился съ большой заботливостью, и каждый успѣхъ въ этомъ отношеніи возбуждалъ въ немъ живую радость.

Словомъ, въ жизни Общества не было такого начинанія, въ которомъ такъ или иначе не участвовалъ бы М. И., не было такой работы, отъ которой онъ отказался бы, если этой работы требовали интересы дѣла. И всюду онъ привлекалъ сотрудниковъ, объединялъ ихъ, вносилъ жизнь, энергію. Стоитъ посмотреть списокъ членовъ, вступившихъ въ Общество со времени избранія предсѣдателемъ М. И., членовъ, имъ рекомендованныхъ, чтобы наглядно убѣдиться, сколько и какихъ новыхъ дѣятелей онъ привелъ за собой. Только такой притокъ новыхъ силъ и помогъ Обществу осуществить то, что было намѣчено имъ для расширенія своей дѣятельности.

При М. И. мы видимъ прежде всего бросающееся въ глаза увеличеніе числа естественно-историческихъ чтеній для народа. Въ былое время устройство этого рода чтеній сопряжено было съ большими затрудненіями; теперь они едва не становятся преобладающими.

При М. И. возникаетъ новая коммисія — для устройства дѣтскихъ чтеній и развлеченій. Благодаря энергичному участию М. И., она получаетъ возможность сразу прочно поставить свое дѣло.

Быть можетъ, самымъ крупнымъ начинаніемъ Общества подъ предсѣдательствомъ М. И. является устройство народныхъ лекцій въ Народной Аудиторіи. Хотя идея этихъ лекцій возникла еще въ Комиссіи народныхъ чтеній и до вступленія въ нее М. И., но несомнѣнно, что его энергіи и организаторскому таланту она обязана своимъ осуществленіемъ. Въ виду сложности этого дѣла, для веденія его была образована при Обществѣ особая лекціонная коммисія.

При М. И. Общество значительно расширило еще одну отрасль своей дѣятельности—разсылку чтеній и картинъ для волшебнаго фонаря по селамъ и городамъ въ районѣ пяти губерній Кіевскаго учебнаго округа.

Кромѣ того, по просьбѣ Кіевской Земской Управы, дающей Обществу ежегодную субсидію для этой цѣли, Обществомъ организована разсылка картинъ для волшебнаго фонаря въ земскія школы Кіевской губерніи.

При М. И. сильно подвинулся впередъ вопросъ объ устройствѣ Обществомъ бесплатной библіотеки для народа, уставъ которой, составленный Л. М. Коноваловой, былъ одобренъ общимъ собраніемъ для представленія на утвержденіе.

Обычная чуткость М. И. какъ бы еще обострилась во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось вопросовъ, связанныхъ съ общимъ идейнымъ направленіемъ Общества, и, при глубокомъ взаимномъ довѣрїи, существовавшемъ между Обществомъ и его предсѣдателемъ, была твердая увѣренность, что Общество подъ руководствомъ М. И. не сдѣлаетъ ложныхъ шаговъ.

Въ моментъ общественнаго подъема Общество откликнулось на зовъ гражданскаго долга, и въ маѣ 1905 г. въ общемъ собраніи была выслушана и единогласно принята составленная Михаиломъ Ивановичемъ „Резолюція о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ Кіевскаго Общества содѣйствія начальному образованію въ связи съ современными нуждами просвѣтительныхъ обществъ“.

Когда впервые Россія осуществила право народнаго представительства, когда была созвана первая Государственная Дума, Общество отозвалось на это событіе слѣдующей телеграммой: „Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію привѣтствуетъ начало дѣятельности перваго русскаго представительнаго собранія. Да принесетъ Государственная Дума миръ и свободу всѣмъ народамъ, населяющимъ великое русское государство, да откроетъ имъ широкій путь къ развитію ихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ“.

Безсмысленно-трагическая случайность ворвалась въ жизнь Михаила Ивановича и унесла его.

Онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, на всемъ ходу своей творческой научной и общественной работы.

Работа эта была тѣмъ болѣе плодотворной, что онъ былъ оптимистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не смотря ни на что, онъ сохранялъ ясную и твердую вѣру въ могучую силу свѣта и правды, и это стойкое душевное настроеніе умѣлъ передавать другимъ.

Источникомъ оптимизма Михаила Ивановича была для него вся его трогательно-поучительная жизнь. Тяжело она складывалась во многихъ отношеніяхъ: труденъ былъ путь отъ темной каморки трактира, гдѣ украдкой учился М. И., до аудиторіи высшаго учебнаго заведенія, гдѣ онъ, видный ученый, талантливый и любимый профессоръ, собиралъ вокругъ себя толпу учениковъ. Но этотъ тяжелый путь обогатилъ душу М. И. и многими свѣтлыми впечатлѣніями. Строгий образъ его матери-крестьянки, босикомъ, съ котомкой за плечами, какъ на богомолье, идущей съ сыномъ за 80 верстъ опредѣлять его въ гимназію, этотъ трогательный образъ женщины, на 50-мъ году выучившейся грамотѣ и умѣвшей понять духовные запросы любимаго сына, — долженъ былъ на-вѣки заронить въ душу М. И. вѣру въ лучшія стороны человѣческой природы. Лучезарныя вершины мысли освѣтили все его міросозерцаніе стремленіемъ къ истинѣ. Стойкій, сильный и ясный умъ крестьянскаго сына выработалъ увѣренность въ силѣ воли человѣка и умѣнье проводить *идеи* въ *жизнь*. Быть можетъ, потому М. И. былъ такъ чуждъ всякой мелочности, такъ не любилъ не только злословія, но даже просто рѣзкихъ отзывовъ о людяхъ. Когда въ его присутствіи начиналась критика чьей-нибудь *личности*, на лицѣ М. И. появлялось выраженіе грустнаго безпокойства. Онъ зналъ недостатки, о которыхъ шла рѣчь, и опредѣленно оцѣнивалъ ихъ, но весь его благородный обликъ какъ-бы говорилъ безъ слова: „не стоитъ этимъ заниматься, господа; есть нѣчто высшее, болѣе важное, будемъ дѣлать его“.

Такіе люди, какъ М. И. Коноваловъ, облагораживаютъ жизнь; они необходимы, какъ свѣтъ, какъ воздухъ, для роста высшихъ идей человѣчества. Особенно необходимы они въ наши дни. „Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче“, и когда одна изъ

такихъ звѣздъ сорвется и канетъ въ вѣчность, сердце сжимается болью непоправимой утраты.

Безвременная кончина М. И. Коновалова глубоко поразила всѣхъ, знавшихъ его, и вызвала рядъ проектовъ увѣковѣченія его памяти.

Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію въ общемъ собраніи, состоявшемся на другой день послѣ похоронъ М. И., намѣтило слѣдующія формы чествованія и увѣковѣченія памяти Михаила Ивановича:

1) Устроить въ декабрь 1905 г. и январь 1906 г. въ Народной Аудиторіи чтенія, посвященныя памяти Мих. Ив., для взрослыхъ и для дѣтей.

2) Создать фондъ имени М. И. для устройства народныхъ дѣтскихъ экскурсій

3) Издать чтеніе для народа о жизни и дѣятельности Михаила Ивановича и установить ежегодное произнесеніе этого чтенія въ Народной Аудиторіи.

4) Имѣя въ виду осуществить въ будущемъ изданіе обстоятельной біографіи М. И., начать теперь же собраніе біографическихъ матеріаловъ о немъ, которые будутъ храниться при Обществѣ.

5) Создать стипендію имени М. И., которая соотвѣтствовала бы пройденному имъ жизненному пути, т. е. выдавалась бы даровитому крестьянскому мальчику для прохождения курса низшей, средней и высшей школы.

Позже къ этому присоединился еще проектъ издать въ ближайшемъ времени найденныя въ бумагахъ М. И. и представленныя Обществу Л. М. Коноваловой почти законченныя для печати рукописи составленныхъ М. И. народныхъ чтеній.

Изъ этихъ проектовъ кое-что Общество уже приводитъ въ исполненіе, кое-что ожидаетъ дальнѣйшаго движенія. Въ Народной Аудиторіи осуществлены и предстоятъ еще чтенія, посвященныя памяти М. И.. Собираются матеріалы для его полной біографіи; готова большая часть его біографіи для народа. Положено начало экскурсионному фонду его имени. Наконецъ, собрана нѣкоторая,— правда, еще небольшая (около 1000 р.) сумма на стипендію имени Михаила Ивановича

Смерть М. И. случилась въ такой періодъ русской жизни, когда политическіе интересы заслонили все остальное, когда уходъ со сцены жизни отдѣльныхъ личностей, даже видныхъ ея дѣятелей, не вызываетъ взрыва общественной скорби, не возбуждетъ вниманія толпы. Въ такое время попытки создать вѣчную память этимъ дѣятелямъ не даютъ тѣхъ результатовъ, какіе бы могли дать.

Но мы, близко знавшіе М. И. Коновалова, не можемъ и не хотимъ отказаться отъ попытки создать ему вѣчную память учрежденіемъ стипендіи его имени.

Прошелъ годъ со смерти М. И., но для насъ все такъ же трудно примириться съ нашей утратой. Правда, Михаила Ивановича нѣтъ среди насъ, но живы дѣла его, живы его идеалы, жива въ нашей душѣ память о немъ, и мы можемъ сказать словами поэта:

„Не говорите намъ: онъ умеръ...

Онъ—живетъ!“

С. Н. Щербина.

Профессоръ Михаилъ Ивановичъ Коноваловъ,
какъ руководитель студентовъ.

Милостивые Государи и

Милостивыя Государыни!

Черезъ три дня исполнится ровно годъ, какъ здѣсь, въ Политехническомъ Институтѣ, закатилась звѣзда жизни Михаила Ивановича Коновалова.

Не мнѣ говорить Вамъ, сколь тяжелую потерю понесли вмѣстѣ съ этой смертью наука, высшая школа и общество: это сдѣлали за меня другіе; на мою же долю выпала задача почтить въ настоящій день память умершаго руководителя молодежи, высказать передъ Вами тѣ воспоминанія, которыя М. И. оставилъ въ сердцахъ своихъ учениковъ.

Случалось ли Вамъ когда-нибудь задавать себѣ вопросъ: какими качествами души долженъ обладать человѣкъ, коему суждено вести за собой людей на тяжелый и нерѣдко неблагоприятный трудъ и вести такъ, чтобы власть этого человѣка рождалась сама собой, безъ малѣйшаго принужденія? Знаете ли Вы, какой дивной силой обладаютъ люди, съ которыми легче работается, около которыхъ легче дышится, безъ труда переносятся тяжести и лишения, забываются неудачи, а душа загорается желаніемъ итти слѣдъ въ слѣдъ за предводителемъ, за

тѣмъ, кто не измѣнить дѣлу, не потеряетъ изъ виду едва замѣтную далеко впереди цѣль? Въ настоящее время, когда тяжелый туманъ облекъ востокъ жизни и скрылъ отъ насъ всѣ утренніе проблески, взоръ поневолѣ ищетъ вѣрнаго, преданнаго дѣлу человѣка, мысль напрягается, чтобы найти, гдѣ онъ, непоколебимый, одаренный способностью вносить въ дѣло твердость и увѣренность курса, умѣющий объединить вокругъ себя и сплотить для одной цѣли людей. Въ такую минуту воспоминанія о профессорѣ, славѣ и гордости Россіи, о человѣкѣ, который изъ бѣдной хижины крестьянина сумѣлъ взойти на кафедру ученаго и стать руководителемъ молодежи, представляетъ высокій общественный интересъ, ибо существованіемъ именно такихъ людей держится дѣло, объясняется устойчивость и энергія организованнаго труда.

Люди того типа, къ которымъ принадлежалъ покойный М. И., вносятъ свою кипучую энергію всюду, гдѣ только это потребуется. Энергія Михаила Ивановича была неисчерпаема: мы, молодые, полные силъ студенты, глядя на своего неутомимаго профессора, бывало поражались его невѣроятной выносливостью. Рѣдкіе изъ насъ уходили изъ лабораторіи вмѣстѣ съ М. И. Чаще всего уже поздно вечеромъ, когда жизнь въ химическомъ павильонѣ замирала, окна кабинета Милаила Ивановича все еще продолжали свѣтиться: тамъ среди безчисленнаго множества баночекъ и стклянокъ продолжалъ М. И. въ тиши свои безконечныя работы, подводилъ итоги трудового дня. И ничто не было въ состояніи остановить этотъ непрерывный творческій трудъ покойнаго. Иногда мы, напр., замѣчали, что М. И. какъ будто чѣмъ-то взволнованъ: лицо его блѣдно, и глаза горятъ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ. Въ такіе дни работа М. И. кипѣла жарче обыкновеннаго, и никому изъ насъ, кромѣ весьма немногихъ, и въ голову не приходило, что этотъ на видъ чрезвычайно оживленный профессоръ какъ разъ въ данный моментъ страдаетъ невыносимой мигренью и въ трудѣ ищетъ забвенія. За трудомъ Михаилъ Ивановичъ забывалъ все: исчезала усталость, забывалась злоба дня, оставалось лишь дѣло, поглощавшее сразу всю энергію души.

„Жизнь есть трудъ,“ говорилъ мнѣ однажды М. И. „пока работаешь, пока горишь—обновляешься, движешься впередъ; чуть отбился отъ труда, какъ все разстроилось, разбилось“...

Съ этой точки зрѣнія жизнь представлялась покойному профессору, какъ вѣчное бореніе, какъ нѣкоторое подвижное равновѣсіе силъ творческихъ и разрушительныхъ, которое только неустанной энергіей можно было толкнуть на путь прогресса.

Вотъ эта необыкновенная любовь къ труду, любовь, глубоко обоснованная философски, составляетъ основную черту характера покойнаго Михаила Ивановича.

Но не всякое трудолюбіе даетъ человѣку возможность стать истиннымъ руководителемъ и вдохновителемъ молодежи. Вѣдь, часто встрѣчаются труженики-одиночки, вѣчно замкнутые въ тиши своего „я“, болѣзненно сжимающіеся отъ всякаго посторонняго дуновенія вѣтра, отъ вида молодой, шумной и неумѣлой работы. Не таковъ былъ Михаилъ Ивановичъ. Обладая глубокой вѣрой въ способности человѣка и сознавая свою великую рабочую силу, покойный М. И. никогда не искалъ удиненія. Многолюдная работающая лабораторія, немолчный гамъ цѣлаго вихря звуковъ,—вотъ обычная атмосфера Михаила Ивановича. Тамъ, въ этой многолюдной лабораторіи мысль Михаила Ивановича напрягалась сама, какъ звучная струна, отзывающаяся на всякій посторонній звукъ чистымъ тономъ. Въ лабораторіи М. И. вель со студентами непрерывныя бесѣды; разговоръ его, остроумный, необыкновенно простой и понятный, былъ для насъ той книгой, изъ которой мы почерпали, такъ сказать, соль науки, толкованіе ея общихъ положеній, примѣнительно къ практикѣ. Увлеченные беззавѣтнымъ трудолюбіемъ М. И., мы уже въ самыхъ начальныхъ лабораторіяхъ начинали вдумываться въ свои работы, мысль наша неволью направлялась въ то творческое русло, въ которомъ всякая идея кажется собственной, самостоятельно созданной. Со своими мыслями мы смѣло обращались къ М. И., вполне увѣренные, что онъ никогда не подавить силой своего авторитета, но, напротивъ, самъ на мигъ превратится въ равнаго съ нами, неопытнаго на видъ юношу, и тонко и осторожно, выровняетъ неровности и промахи нашего ума своей громадной опытностью и эрудиціей. Михаилъ

Ивановичъ до того привыкъ вращаться въ сферѣ чужой мысли, что, нисколько не задумываясь, довѣрялъ намъ, студентамъ, веденіе своихъ собственныхъ ученыхъ работъ и умѣлъ использовать нашъ трудъ въ совершенствѣ.

Такимъ образомъ въ лабораторіи Михаила Ивановича, на виду у всѣхъ насъ зарождалось, крѣпло и нерѣдко даже заканчивалось его самостоятельное научное творчество. Вотъ почему лабораторія М. И. походила на какой-то громадный необыкновенно сложный мозгъ, объединенный однимъ лишь высшимъ чувствомъ гармоніи и единства цѣли, которое сосредоточивалось въ головѣ профессора.

Мы всѣ были, по выраженію М. И., его „работнички“, а онъ, какъ добрый хозяинъ, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы каждый работникъ зналъ, что дѣлать, какъ и для какой цѣли.

Но руководить подобнаго рода „работничками“ является дѣломъ далеко не легкимъ. Надо принять во вниманіе безконечное разнообразіе индивидуальныхъ качествъ студентовъ: тотъ лѣнивъ, но способенъ, тотъ несообразителенъ, а тотъ слишкомъ опрометчивъ и торопливъ,— однимъ словомъ, что ни студентъ, то совсѣмъ иная, не похожая на другихъ личность. Но тутъ Михаилу Ивановичу приходила на помощь его непоколебимая вѣра въ безграничную способность человѣческаго ума къ воспріятію знанія. Михаилъ Ивановичъ говорилъ зачастую, что всякій можетъ продуктивно работать: стоитъ ему только попасть на тотъ путь, на которомъ работа станетъ ему понятной, а потому и интересной. И М. И. никогда не отворачивался отъ индивидуальности студента: всякое проявленіе со стороны послѣдняго инициативы давало Михаилу Ивановичу богатый матеріалъ для мастерски тонкой педагогической работы. Недавно я составлялъ коллекцію препаратовъ М. И.: въ коллекціи этой имѣется около 400 экземпляровъ новыхъ веществъ самаго разнообразнаго химическаго характера, и почти всѣ эти вещества являются плодомъ работы студентовъ. Необыкновенное разнообразіе этихъ препаратовъ, способовъ ихъ полученія, а равно и цѣлей, ради которыхъ они получались,—вотъ лучшее доказательство поразительной разносторонности профессорскаго

таланта Михаила Ивановича и его удивительно бережного отношенія къ правамъ учащагося.

При веденіи работы одновременно во многихъ направле- нійхъ, при желаніи всякій разъ становиться на точку зрѣнія студента, улавливать его большей частью хаотическую и спу- танную творческую мысль—надо было неизбежно въ громаднхъ размѣрахъ пользоваться памятію и умѣніемъ быстро ориенти- роваться въ любой моментъ въ предложенной мысли. Каче- ствами этими покойный М. И. обладалъ въ совершенствѣ. Па- мять его, поистинѣ феноменальная, ставила насъ зачастую втупикъ. Подойдетъ бывало М. И. къ студенту и спроситъ: „Ну, сколько процентовъ азота нашли вы въ этомъ веществѣ, которое недавно анализировали?“ Отвѣтишь по памяти и, того и гляди, ошибешься на нѣсколько сотыхъ процента, а М. И. только улыбнется да и скажетъ: „Ой-ли? Вѣдь, вы мнѣ на дняхъ говорили какъ будто меньше“.—Да нѣтъ-же, Михаилъ Ивано- вичъ,...—но уже поневолѣ роешься въ тетрадки и ищешь зло- получный анализъ, чтобы убѣдиться лишній разъ въ безоши- бочности профессора. М. И. помнилъ всѣ эти мелочи гораздо тверже, чѣмъ мы сами, которые мелочи эти собственными уси- ліями создавали.

Но одной памяти не могло хватить для того, чтобы въ совершенствѣ овладѣть столь сложной и пестрой артелью работ- никовъ. Быть можетъ, среди Васъ, Милостирые Государи, есть лица, которымъ приходилось отвѣчать на вопросы очень многихъ лицъ одновременно. Такъ вотъ эти лица вѣроятно знаютъ, какъ трудно подчасъ бываетъ понять, о чемъ собственно говорить спрашивающій, какое именно сомнѣніе желаетъ онъ вашимъ отвѣтомъ разрѣшить. Надо принять во вниманіе, что и задать, то вопросъ человѣку, ведущему крайне сбивчивую и кропотливую творческую работу, бываетъ сплошь и рядомъ весьма не легко. Начать съ самаго начала—какъ-то неловко, хочется въ двухъ- трехъ словахъ скомкать, смять въ нѣчто лаконическое все то, что смутно волнуетъ мозгъ сомнѣніемъ,—а вслѣдствіе этого вопросъ иногда облекается въ какую то дикую несуразную форму въ родѣ: напр.: „Михаилъ Ивановичъ, отчего оно у меня не растворяется?“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. „Погодите,

погодите, что не растворяется? Ну да, понимаю, это произошло от того-то или того-то“, отвѣчаетъ М. И., ни минуты не задумываясь; а черезъ минуту идетъ другой студентъ, а за нимъ третій, десятый, всѣ на перебой тянутъ профессора каждый къ своему столу, каждому хочется узнать, отчего у него не растворяется, или не плавится, или отчего получается не 20% а 21% и т. д. И все это надо распутать, разобрать, и разобрать быстро, чтобы не задерживать другихъ.

И вся эта изнурительная и сложная работа покойнаго профессора озарялась никогда не меркнувшимъ яркимъ свѣтомъ безграничной привѣтливости, внимательности и того неподдѣльнаго веселья, которое составляетъ настоящій кладъ въ нашихъ душныхъ и угрюмыхъ подчасъ химическихъ мастерскихъ. За работой М. И. пѣлъ, смѣялся, шутилъ, и никогда намъ не удавалось уловить ни одного намека на усталость, нервность, столь естественную въ подобныхъ условіяхъ у всякаго напряженнаго до крайности рабочаго человѣка. Вотъ почему мы, студенты, поневолѣ приходили въ восторгъ отъ Михаила Ивановича, отъ его неизмѣннаго „хорошо-съ“, отъ его ясной доброй улыбки.

Великій труженикъ, твердо вѣрившій въ безконечную способность знанія озарять всякую человѣческую душу, одаренный колоссальной памятью и тѣмъ удивительнымъ даромъ пониманія людей, который давалъ ему возможность хозяйничать въ чужой головѣ подчасъ лучше, чѣмъ самъ ея обладатель, — вотъ тотъ человѣкъ, память котораго мы собрались нынѣ почитать. Эти качества создали изъ М. И. типъ идеальнаго руководителя молодежи.

Есть ученые, которыхъ одно появленіе на кафедрѣ способно привести аудиторію въ трепетъ: голосъ этихъ свѣтилъ науки звучитъ громко и проникновенно, ихъ блестящая, отдѣланная до мельчайшихъ подробностей рѣчь кажется какимъ-то откровеніемъ, почерпнутымъ изъ непроглядныхъ глубинъ человеческой мысли, глубинъ, куда взоръ непосвященнаго не смѣетъ заглянуть. Есть въ наукѣ люди, въ родѣ Ампера, которые по-

являются передъ слушателями не иначе, какъ во всеоружіи вполнѣ законченной мысли и ораторскаго таланта; люди эти тщательно скрываютъ или даже попросту уничтожаютъ всю свою кропотливую сложную подготовительную работу.

Но былъ въ наукѣ и Фарадей, былъ человѣкъ, чей талантъ не блеститъ холоднымъ блескомъ, не ослѣпляетъ, но грѣетъ душу, поднимаетъ ея энергію вѣрой въ жизнь, трудъ и знаніе. Мысль Фарадея—это длинная, безконечно интересная книга исканій, попытокъ то гениальныхъ, то безумныхъ подчасъ, но фотографически точно воспроизводящихъ замѣчательный процессъ научнаго творчества. Изъ этой книги почерпается не знаніе, но нѣчто большее: умѣніе искать и находить истину.

Къ такимъ-то ученымъ принадлежалъ и покойный Михаилъ Ивановичъ Коноваловъ. Лекціи М. И. состояли большей частью изъ короткихъ лаконическихъ фразъ, какъ эхо, повторявшихъ возгласы напряженной мысли слушателя. Разнообразіе и глубоко задуманное сочетаніе опытовъ, производимыхъ И. М. на лекціи, наталкивало зрителя на мысль, а слова профессора только поддерживали ея пламя, оберегали отъ дуновенія посторонняго вѣтра. Вотъ почему на лекціяхъ Михаила Ивановича казалось, что вѣдь все, слышанное, уже извѣстно, понятно само по себѣ, что профессора какъ будто не было, а все, имъ сказанное, было лишь отзвукомъ, повтореніемъ собственной мысли студента....

Не хочется мнѣ, мнѣ больно вспомнить то уныніе, которое овладѣло нашимъ Институтомъ послѣ смерти М. И. Кововалова. Вспоминая объ этомъ человѣкѣ, невольно забываешь о смерти; и чудится, что живъ Михаилъ Ивановичъ. Чудится, что когда-то въ лучезарномъ будущемъ въ вольный храмъ науки, въ добрый часъ, возвратится духъ Михаила Ивановича, придетъ онъ въ эти стѣны, надъ которыми теперь собрались тучи лихого безвременія, согрѣетъ ихъ и озаритъ лаской любви, вѣры и уваженія къ человѣку.

С. Войничъ-Сяноженцкій.

И. А. Новиковъ — „О дѣятельности М. И. Коновалова въ
качествѣ директора и профессора Сельско-Хозяйственныхъ
Курсовъ Кіевскаго Общества Сельскаго Хозяйства“. Текстъ
рѣчи не доставленъ.

Къ Протоколу засѣданія Совѣта Кіевскаго Политехни-
ческаго Института.

ТЕЛЕГРАММЫ:

1. Совѣтъ Московскаго Университета, вспоминая своего дорогого питомца и преподавателя, славнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, профессора Михаила Ивановича Коновалова, просить Совѣтъ Кіевскаго Политехническаго Института принять выраженіе сердечнаго соболѣзнованія въ его безвременной утратѣ.

Ректоръ *Мануиловъ.*

2. Русское Физико-Химическое Общество всей душой присоединяется къ чествованію памяти безременно скончавшагося Михаила Ивановича Коновалова. Да послужить память этого преданнаго наукѣ талантливаго труженика добрымъ примѣромъ нашимъ молодымъ товарищамъ.

Президентъ Общества *И. Борманъ.*

Предсѣдатель Отдѣленія Химіи *Н. Бекетовъ.*

Дѣлопроизводитель *В. Тищенко.*

3. Совѣтъ Московскаго Сельскохозяйственнаго Института просить Кіевскій Политехническій Институтъ, въ день памяти М. И. Коновалова, принять его искреннія соболѣзнованія объ утратѣ, въ лицѣ погибшаго Михаила Ивановича: родиной—своего лучшаго сына; наукой—талантливаго ученаго, акаде-

мической семьей — выдающагося профессора. Михаилъ Ивановичъ умеръ, но онъ будетъ жить въ своихъ научныхъ трудахъ, и память о немъ навсегда сохранится у всѣхъ, знавшихъ его.

Директоръ Проф. *Вильямсъ*.

4. Въ день торжественнаго засѣданія, посвященнаго памяти незабвеннаго профессора Михаила Ивановича Коновалова, Учебный Комитетъ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища выражаетъ Совѣту Кіевскаго Политехническаго Института свое сердечное соболъзнованіе и сочувствіе.

Директоръ *А. Гавриленко*.

5. Отдѣленіе химіи Общества Любителей Естествознанія всей душой присоединяется къ чествованію памяти знаменитаго русскаго химика Михаила Ивановича Коновалова.

Предсѣдатель *Сабанъевъ*.

6. Совѣтъ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, высоко цѣня крупныя заслуги покойнаго Михаила Ивановича Коновалова, присоединяется къ чествованію памяти его трудовъ на нивѣ русскаго просвѣщенія и науки.

Директоръ *Чаплыгинъ*.

7. Вспоминая долготнѣе и плодотворное участіе въ своихъ работахъ Михаила Ивановича Коновалова, учебный отдѣлъ Общества распространенія техническихъ знаній съ глубокой скорбью присоединяется къ чествованію памяти его, какъ выдающагося дѣятеля въ области научнаго творчества и народнаго просвѣщенія.

Предсѣдатель Отдѣла *Соколовъ*.

8. Общее Собраніе Общества воспитательницъ и учительницъ, вспоминая съ благодарностью труды М. И. Коновалова по устройству Коллективныхъ уроковъ, привѣтствуетъ Совѣтъ Кіевскаго Политехническаго Института въ его желаніи увѣковѣчить память незабвеннаго профессора.

9. Невыразимую скорбь принесла намъ смерть безвременно погибшаго учителя нашего Михаила Ивановича Коновалова, но память о немъ живетъ въ насъ, какъ яркій свѣточъ правды, ума и самоотверженія. Въ печальную годовщину его кончины, желаемъ Совѣту Кіевскаго Политехническаго Института полного успѣха въ его начинаніяхъ по увѣковѣченію памяти Коновалова.

Бывшія слушательницы Коллективныхъ уроковъ.

10. Свѣтлый образъ безвременно скончавшагося Михаила Ивановича Коновалова, много потрудившагося въ Библиотекъ для самообразования, живо сохраняется въ признательной памяти его сотрудниковъ по редакціи этого изданія.

Редакція Библиотeki для самообразования.

11. Педагогическіе курсы для рабочихъ въ Москвѣ съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаютъ одного изъ первыхъ лекторовъ своихъ Михаила Ивановича Коновалова, горячо преданнаго интересамъ народа, дивнаго популяризатора научнаго знанія, чье чистое сердце горѣло стремленіемъ къ правдѣ и свѣту.

Инспекторъ курсовъ *Сергій Левицкій*.

12. Признательно вспоминаемъ дорогого товарища Михаила Ивановича Коновалова.

А. Фортунатовъ. Н. Демьяновъ. Д. Прянишниковъ.

13. Глубоко сожалѣемъ о безвременной кончинѣ Михаила Ивановича Коновалова. Отъ всей души присоединяемся къ чествованію его памяти.

А. Сабанъевъ. И. Каблукъ.

14. Прошу Совѣтъ присоединить и мою глубокую скорбь при печальномъ воспоминаніи о невознаградивой потерѣ Михаила Ивановича Коновалова.

Александръ Реформатскій.

15. Вспоминая свѣтлый образъ покойнаго товарища, скорбимъ объ утратѣ его родиной, наукой и обществомъ и мысленно участвуемъ въ чествованіи его памяти.

Проф. *Демьяноевъ*.

Проф. *Каблуковъ*.